

История испанской литературы во XVII ст.

о суде над ворами и эмигрантами

приглубое создание Кеbedo, ^{св} избушкой возмражи, даеся, какъ вѣтъмь ^{его} дружныи садирами, ^{особенно} какъ много тесно "Видѣнійми" (Снейос), изъ козоровъхъ пькофороя, повиди, пому, были изданы оубольно вскорь послѣ воздвигнуаго на него гоненія и вѣтъсь въ 1635г.

"La casa de los locos de amor" (Домъ умалишенныхъ оубъ любви) — вклячаемое въ число "Видѣній". Трѣть (Снейос) Кеbedo, козъ и сизраеся произведеніемъ его друга Лоренсо Вандеръ Таммена, козорому оно посва, щено — несомненно сзрадаеть оудеувіемъ смьлости замасла и энергій сундъ, характеризующими напр. "Видѣніе гереновъ — сврашнаго судя" (Снейо de las sala, vechas — Juicio final). Месуръ, "Видѣній" (Снейос), безъ спорно принадлежантъ Кеbedo, находяред въ пер. волю гомъ мадридскаго изданія его сочиненій (1791г.)

"La casa de los locos de amor" (Домъ умалишенныхъ оубъ любви) помящена во взоромъ гомъ. Но по сло, ванъ Пабло Антонио де Тарсія, неаполитанца, біографа Кеbedo, Лоренсо Вандеръ Тамменъ, испанскій писатель фламандскаго происхожденія, выдавалъ себя за автора зрого сочиненія, какъ то ма обяжанъ исключитъ его изъ списка произведеній Кеbedo. Невиный подловъ былъ сдѣланъ съ вѣдома Кеbedo, бавнаго другомъ Лоренсо Вандеръ Таммена. Большая часть, дома умалишен, ныхъ" недосройна залатца Кеbedo и оумодъ не въ его

духъ.

Одно изъ „Видовый“ (Viejos) Кеbedo — „Свиной хвостъ Плугона“ (Zaburdas de Pluton) — появилось 1607 году, но ни одно изъ нихъ не было напечатано раньше 1627 года. Весь миръ, какъ я сказала, несомненно призналъ, неужель Кеbedo и были впервые напечатаны въ недовое, только сборникъ его сатирическихъ произведений, появившійся въ Барселонѣ, въ 1632., подъ заглавиемъ „Inquietes de la Fortuna“ (Игрушки счастья). Потомъ они были переведены на французскій и англійскій языки и вызвали въ Англии много изданій, а во Францiи множество подражаній.

Резюме.

Кеbedo, какъ писатель-поэтъ, пробовалъ свои силы въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ литературы, начиная съ богословiя и метафизики и кончая разсказами изъ обиденной жизни и цыганскими романсами, однимиъ словами, онъ писалъ въ стихахъ и прозѣ, во всякъ родѣхъ отъ Эпиграммы до аскофической проповѣди. Но бумаги его частью пропали во время его двукратнаго арестованiя, частью были захвачены въ время его исполненной всякихъ превращенiй жизни. Всюдушвiе зрѣлъ и многихъ другихъ критиковъ, по словамъ его друга Лоренсо Антонио де Тарсиа, большая часть его сочиненiй осталась неиз-

данной, и многія изъ нихъ, написанныя его рукою, находятся еще и теперь въ Мадридской національной и въ другихъ частныхъ и общесудебныхъ библіотекахъ Испаніи. Изданныя его сочиненія составляютъ одинъ,надцать большихъ томовъ: восемь — прозы и три — сри-хожденій. Лучшія произведенія его — прозаическая сагира Лиейос (Трезы, Виданія) и романъ, El gran Tasaño (Великій пройдоха). Намъ приходится сожалеть о судьбѣ — о позорѣ — драмы Кеведо, изъ которой въ, еще при его жизни, были разнесены съ большими цѣльями на Мадридской сценѣ.

Въ Лиейос (Виданія) и почти во всемъ, что написалъ Кеведо, въ большинстве случаевъ высказаны, ваясь чистъ стѣловый, оригинальный и независимый. Въ, его и обезоруженна, при которыхъ отъ жизни, на, могли однако свою печать и на его поэзію, и на его прозу. Такъ, напр., его долгое пребываніе въ Урали сказало въ многочисленныхъ подражаніяхъ уральскихъ поэтовъ и въ одномъ оригинальномъ со, перѣ на уральскомъ языкѣ. Такъ прерывательныя и срадатія сказались въ горели его сари. ри и въ особенноти въ одномъ изъ его виданій, оз, носившей по времени его заключенія и направ, ленной прозивъ задалитяго правосудія и общесудеб, ныхъ порядковъ той эпохи. Вліяніе французскаго вкуса,

прозвѣ козорого отъ перьвото и искусственно разованъ,
 зѣль не менше озраилое въ мѣкозорыхъ по произведе,
 нѣль и по временамъ овладывало мѣль самилъ, вѣну,
 маѣ желаніе къ вѣншнему блеску, къ изысканнѣль,
 разспизаннѣль на эфрекуъ выразитѣль, а также къ
 оурозанъ и эмираманъ. Не смотря на эри и многіе
 другіе недосауки, геній его по временамъ парилъ висо,
 ко, обнаруживая поучитъ художественную силу. Же,
 веде не обладалъ зѣль зонжилъ и вѣрнѣль гужель
 комическаго, благодаръ козорому Сервандесъ, какъ бы
 итсдинкивно, содлюдаель мѣру въ самой сауиръ; по
 отъ сбосодеъ къ бисурному и глудокоту наблюдению.

Сурроутиѣ и пастышки Кебеда не разъ воблекали
 его въ дуэли; зо пользудель поущесурванъ и погезотъ,
 зо впадалъ въ бѣдностъ, отъ болъ два раза посланни,
 конъ и два раза долго сидѣль въ зорель, козотъ бѣль
 изгнанъ изъ оуечесува. Отъ дошелъ наконецъ до того,
 что шилъ милосрапей и, покрывай дѣламъ, салъ при,
 шилъ мѣль. Въ зо же время отъ писалъ.

Хоть ему вѣлгодеувиѣ его печальной красуи и свой,
 сурвенной ему сурасуи къ карриказурѣ, вѣлгодеувиѣ на,
 клонносуду къ грубому фарсу, приходящъ часо заблудуи,
 дауель, зѣль не менше даже въ мѣсудель его произве,
 деній, гдѣ эри недосауки ярке вѣлого высказываются,
 масъ поразманотъ проблѣски високой и вѣншней красо.

же, свидетельствующие, что помимо необыкновенного
созрелый гений Кеbedo обладалъ высшими художеств.,
вѣковыми качествами. Все эти черты способствуютъ
эфекту изълага. — Помянуто, что законъ сатириковъ, какъ
Кеbedo, не мочь много недооценка въ недружбѣ. Словъ
подвергся жестокому литературному нападенію, хло.
пожавшимъ о томъ, чтобы занести его сочиненія въ
Index Excommunicatus. Личная неприязнь ясно просвѣ.
чивается во всей этой несправедливой криуикѣ.

Гильевъ де Кастро (1567—1631).

Тораздо болшего извѣстности, чѣмъ другіе вѣро,
сременные драматурги, а именно два валенсійскіе,
Шаррера и Милляръ, у которыхъ не хоту ^{какъ будто впоследствии,} остано.
вля, пользовался еще однимъ валенсійскимъ поэтомъ, Гилье
евъ де Кастро (Guillen de Castro). Подобно имъ, онъ не
довольствовался успѣхами въ своей провинціи, но
рѣшился искать счастья въ столицѣ. Родился онъ въ Валенсіи въ
1567г. отъ благородной семьи и еще въ молодости
сдѣлался въ своемъ городѣ извѣстнымъ писателемъ.
Въ 1591г. онъ былъ членомъ Ностигнос, извѣстнѣйша.
го изъ литературныхъ клубовъ, основанныхъ въ Мена,
ни напередъ бывшихъ въ Мадридѣ одно время въ
большой модѣ академіи. Его литературная симпатія
еще болше усилилась, благодаря участию въ этомъ
клубѣ, членами котораго были также его современн.

ники, уже упомянутое Шаррега, Амльер и др. Амльер был одним из его основателей. Но эгозъ клубъ существовалъ всего съ 4-го октября 1591 по 13-ое апрѣля 1593 г.

Вирогель не одна литература наполняла жизнь Тиллена де Касро. Въ извѣстный періодъ мы находимъ его капитаномъ кавалеріи; за то мы, отъ такъ понравившася расширенному вице-королю Неаполя, графу Беневенте, что послѣдній поручилъ ему важнѣйшій административный постъ. Вѣлѣдствіе эго въ мадридѣ его приняли прекрасно: герцогъ Оссуна назначилъ ему ежегодную пенсію въ тысячу кроунъ, а всемогущій фаворитъ, герцогъ д'Оливаресъ, прибавилъ къ этому крупную сумму отъ казны. Но безпокойный характеръ, недовольствѣе чинъ и жестокое упрямство испортили всю карьеру де Касро. И такъ, вскоре отъ онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ перу, чтобы заработать себѣ средства къ жизни. Въ 1612 г. Сервантесъ говоритъ о Тилленѣ де Касро, какъ о популярнѣйшемъ изъ драматическихъ писателей Испаніи, а въ 1620 г. де Касро вѣнчалъ съ Лопе де Вегаго унучку, вышедъ въ празднествѣ канонизаціи св. Исидора и получилъ за свои пьесы одну изъ наградъ. Шесть лѣтъ спустя отъ все еще передивался своими драматическими произведеніями, а незадолго послѣ того, въ 1631 году

умеръ, не оставивши послать себя ничего, и болѣе похоро-
женъ на сценѣ благозвоннаго фронда.¹⁾

Пьеса Тилсена де Касуро положительно принадле-
житъ къ школь Лопе де Велли, между козорелью и Тиль,
эпохъ де Касуро существовала тѣсная дружба. Дружбу
эту можно прослѣдить, начиная съ посвященія одной
изъ комедій Л. де Велли Тилсену де Касуро и нѣсколь-
кихъ въ его „Разныхъ сочиненій“, вполнѣ до эпохи
изгнанія Л. де Велли въ Валенсiю; со стороны де Касуро
дружба эта доказывается посвященiемъ сборника его
драматическихъ произведенiй Марселль, любимой до-
тери Л. де Велли.

Изъ произведенiй де Касуро, за исключенiемъ пьесъ,
изданы весьма немногiя. Первыя же его пьесы, это —
„Mal casados de Valencia“ (Неравные браки въ Валенсiи)
и „Donъ-Кихотъ“. Обѣ пьесы помѣщены въ первомъ зо-
мѣ Comedias Тилсена де Касуро, изданныхъ въ 1641г.
„Неравные браки въ Валенсiи“, это — рѣдъ любовныхъ
интригъ въ родѣ интригъ комедiй Л. де Велли и закан-
чивающихся ^{разрѣшенiемъ} ~~разрѣшенiемъ~~ двухъ браковъ одной дамой,
козорая передѣвшись насилью, живетъ въ одномъ домѣ
со своимъ противникомъ возлюбленнымъ и его женой.
Интрига этой женщины выходитъ подъ конецъ на-
ружу и она спасаетъ себя обильнымъ средствомъ: по-
суждается въ монашество. Въ пьесѣ, повидимому, изобра-

1) Биографiя Тилсена де Касуро, написанная лордомъ Толландомъ,
очень интересна, хотя далеко не полна.

становяся событія, лично извѣстныя автору.

Содержаніе пьесы „Донъ Кихотъ“ заимствовано изъ первой части романа Сервантеса, бывшаго тогда въ высшей изысканной новинкой. Любовь Доротея и Фердинанда и безуміе Карденіо составляютъ основу главной интриги. Развязкой является перенесеніе рыцаря въ клетку священника и цирюльника въ его содѣянный домъ, какъ это происходитъ и въ романѣ. Нѣкоторыя мѣста слегка измѣнены въ виду сценическихъ условій, но языкъ главныхъ действующихъ лицъ сохраненъ и заимствованія изъ романа очевидны. Также, напр., первое появленіе Донъ-Кихота на сценѣ. Оно въ точности верхомъ на Росинаранъ, одѣтый согласно съ описаніемъ его въ исторіи у Сервантеса.

Эти двѣ драмы — бѣдны поэтическимъ вымысломъ, а первый актъ Mal Casados de Valencia (Неравные браки въ Валенсіи) сверхъ того обезобразенъ массой каламбуровъ, козорисъ были тогда конечно въ модѣ, но козорисе намъ кажутся блѣдными и не острочными. Однако обѣ драмы написаны почти исключительно разговорами старинныхъ redondillas и озвучаются зѣва, желской ордѣлкой ерша. Quêrin de Bouscal, одинъ изъ французскихъ драматурговъ, свободно пользовавшихся произведеніями испанскихъ драматурговъ, жившихъ между 1630 и 1650 гг., посcriбилъ пьесу „Донъ Кихотъ Гильема“

де Касуро на французской сцене уже в 1638 г.

Поэтому следуют пьеса в другом роде, больше серьезного содержания, под заглавием „Piedad y Justicia“ (Милосердие и Справедливость). Это трагическая история одного венгерского принца, осужденного на смерть за самые страшные преступления, но спасенного народом от казни, потому что принц, зря, не смотря на все свои пороки, сохранил извещенного рода честность и отказался от знона, который ему предлагали индейцы. Успехом своим эта комедия обязана стожеру, где восхваляется преданное королю, национальная добродетель испанцев, которая проявилась уже давно во взаимных отношениях короля и народа, а впоследствии дошла до каких превеликих, что, благодаря ей, погибли в конце много, где лучший образец испанского национального характера. Драма эта превосходит предвдущия пьесы богаче и разнообразием метра и написана больше живым языком. Она написана во взороме форме Comedias Тилсена де Касуро, а позже в „Flos de las Mayores Dose Comedias etc. Madrid, 1652 г. Де Касуро посвятил взороме своим комедиям своей двоюродной сестре донна Анна Figuerola y de Castro.

„Святая Варвара или горное чудо и небесная мученица“ (Santa Barbara ó Milagro del monte y martir del cielo), 1720

— comedia de Santos, комедия из жизни святых, свя-
ценная пьеса, принадлежащая к роду популярных
драм, созданному Лопе де Вега. Сюжет пьесы — исто-
рия св. Варвары, бывшей, если верить легенде, современ-
ницей Оригена, козорий и появляясь на сцене во главе
главные действующие лица. В начале драмы геро-
inya заявляет, что она уже отдана душой новой сек-
те — Христианству. Одна из сцен этой пьесы в особен-
ности проникнута духом и пафосом второй эпохи.
Здесь св. Варвара изображается заключенной в тем-
ноту, где она, в одиночестве, предаётся христианским
размышлениям. Путь под видом издурного и лю-
безного испанского кавалера внезапно предстает
перед нею братом рода человеческого. В искусно при-
думанной аллегории он рассказывает ей свои при-
ключения, но ему не удаётся обмануть ее и
она начинает догадываться, ^{кто} кто говорит с нею. Во
время этого разговора, отец и возлюбленный Варва-
ры входят в комнату. Для отца таинственный
лицо скрывается невидимым, но его ослучно видят
любовники, ревность козорога разгорается до крайних
предель. Первый акт кончается недоразумением
и упреками, вполне понятными при таких обстоятельствах,
притом отец высказывает искреннее
убеждение, что возлюбленного следовало бы засадить

въ домъ умалишенныхъ и что онъ вовсе недоуоимъ
быть мужемъ такой прекрасной дѣвушки, какъ его дочь.
Въ концѣ Варвара являетъ зорнесвѣтующей мучени,
цей, публично исповѣдующей свою вѣру и увлекаетъ,
цей за собою не только возлюбленнаго, но и влидзецъ,
нѣтълишь обитателей города.

~~Это одна изъ трехъ пьесъ, дѣйствіе происходяща въ~~
микомедіи, въ зрѣтелихъ вѣкъ по Р. Х., когда исповѣ,
даніе Христіанства считалось еще преступнымъ. —
Это одна изъ трехъ пьесъ, гдѣ сопоставлены другъ съ
другомъ божественная и человѣческая любовь. Подобно
другимъ пьесамъ того же сорта, эта драма была безъ
сомнѣній результатомъ суровыхъ мѣръ противъ разврата,
принудившихъ подъ вліяніемъ духовенства, какъ
мы это уже видѣли у Лопе де Велы. Пьеса въ этой
пьесѣ, гдѣ героиня говоритъ о Христѣ, какъ о своемъ
возлюбленномъ и сиротѣ, подобно вѣтвѣ заклина
нѣтъсамъ въ старинной испанской драмѣ, сильно
мокирующъ что прозежанца, но драма имѣла цѣль
и ей подражали впоследствии Калдеронъ въ своей
драмѣ „Магъ — Чудотворецъ“ (El mago prodigioso).

Чудеса Вавилоніи (Magavillas de Babilonia)
есть нѣчто въ родѣ мистеріи, гдѣ слишкомъ мно,
го оудано пьеса исторіи мѣстной Сусанны и
преслѣдующихъ ее сарцевъ и въ которой введены

Набуходоносорь, мучоуи на сцене драву, подоб,
но сватному свивоуому. Дра пьеса Тилсена де
Касуро помъщена въ изданіи, озаглавленномъ, *Flores*
de las Mejores Dose Comedias, Madrid, 1652.

Теперь наконецъ обратимся къ той драмѣ, кою,
какъ намъ уже извѣстна по французской обработкѣ
Корнеля. Въ Европѣ именно драма Тилсена де Касуро
одѣлалась особенно извѣстной не по тому зомъ, что
она лучше остальныхъ его вещей, но и потому еще,
что Корнель, его современникъ, положилъ ее въ осно-
ву своей великолѣпной трагедіи „Сидъ“, опредѣливъ,
тѣмъ на цѣлыхъ два столѣтія характеръ серьезной дра-
мы на всея континентѣ.

Слало-быть важнѣйшими изъ пьесъ Тилсена де
Касуро слугаются двѣ его драмы о Родриго Сидѣ, оза-
главленныя, Июсуэ или поточескіе подвиги Сиды
(Los Mocedades del Sid). Содержаніе ихъ заимствовано
изъ старинныхъ народныхъ романсовъ, которые распе-
вались по улицамъ слѣплыми нищими долго спустя
послѣ эпохи Тилсена де Касуро.¹⁾

I касур.

Въ первой изъ двухъ драмъ описывается начало
карьерѣ знаменитаго героя. Начинается она зорисею,
ветхой сценой посвященія его въ рыцари, за козрой
слѣдующая сцена обиды, нанесенной его оузу въ залѣ
королевскаго собора. Далѣе слѣдуютъ картины, въ которыхъ

1) См. „*El Verdad en el Petro, y el Sid Resuscitado*“ Francisco
Lantos, Madrid 1686, который содержитъ романсы о Сидѣ въ
томъ видѣ, въ какомъ они тогда пѣлись на улицахъ.

изображается мучительный дух юного Родриго и смерть гордого графа Лозано, который смертельно оскорбил старика озеца Сидра, давши ему пощечину; все эти события рассказаны согласно старинным хроникам.

Воле драматическая сторона сюжета, весьма удавалась Гильесу де Каэстро. Химена, дочь графа Лозано, предстает в драме воплощенной во юного рыцаря. У ней естественно является борьба между любовью и чуждой дочерью долга; борьба эта, проведенная через все пьесу, составляет главный интерес драмы. Мезерзанная скорбь, Химена является к королю; долг дочери берет у ней на минуту верх над чуждой любовью и, побуждая эту дочь, она предвещает казни своему возлюбленному по старинным законам королевства. Казнь эта не могла быть исполнена, благодаря чудесам храбрости, оказанным Родриго в битве с маврами, осаждавшими в то время столицу. При этом о гибели Сидра и о судьбе Химены вылезает невольное признание ей любви к нему и наконец, благодаря участию providentia, и естественному рождению любовной привязанности, возбуждаемой подвигами, совершенными Родриго во имя возлюбленной и для защиты короля и озеца, все это завершается браком любовников.

Возьмем отрывок, где описанный вечерним сумраком отец Сидра ищет сына в условном мьесто, после поединка, едва ли не самое характерное и сильное место драмы.

Diego. No la ovejuela su pastor perdido,
Ni el leon que sus hijos le han quitado,
Balo' quejosa, ni bramo ofendido,
Como yo por Rodrigo. Ay, hijo amado!
Voy abrazando sombras descompuestas
Entre la oscura noche que ha cerrado...

Ни овечка, потерявшая своего пастуха, ни блевать какъ жалобно, ни левизна, у козлой похищили дъ, жёншей, не рыкаеть какъ яростно и не жеритьливо, какъ я поддигаю моего Родриго. О мой возлюбленый сынъ! Мша его повсюду, напрасно я обнимаю васъ, почный зъни! Я ему сказалъ условный знакъ и назначилъ мьесто, куда онъ долженъ прийти. Онъ былъ послушенъ всегда; неужели на зрозъ разъ онъ ослушаетъ меня? Этого не можетъ быть, а между зъль я испываю зысяги муръ! Можетъ быть какой-нибудь непредвиденный случай засрабилъ его измънить свое намъреніе. Кровъ засраиваетъ у меня въ сердце. Можетъ быть онъ убилъ, ранеть или вздръ въ мльть. О праведное небо! Сколько зма, совъ приходитъ мнѣ въ голову! Но что это? Неужели

Эго отць? Мать, я не заслушилъ такого счастья! Эго не его голосъ, а эго моего собратвеннаго сына. Но возъ будо явственно слышеть звукъ лошадиныхъ копытъ по сухимъ камнямъ. Подриго слъзаерь съ коня. Меушели мнѣ въ самомъ даль суридемо закое счастье? Ты ли эго, мой сынь? *Hijo?* (Подриго слъзаерь съ коня. *Salte Rodrigo*). *Hijo?*

Cid. Padre? — Отець, эго ты?

Diego. Es posible que me hallo

entre tus brazos? Hijo, aliento tomo

para en tus alabanzas empleallo.

Como tardaste tanto? pues de plomo

te puso mi deseo; y pues veniste,

no me de canzarte preguntando el como.

Bravamente probaste! bien lo hiziste!

Bien mis pasados bríos imitaste! . . .

Возможно ли, что я дерзну зедѣ въ моихъ объ, ядѣхъ? Дай мнѣ сообразя съ силами, чтодъ осы, наръ зедѣ похвалами. Отчего ты такъ запоздалъ? М такъ какъ мы здѣсь, зо я не стану уромлять зедѣ вопросамъ. Хорошо ты поехунилъ, мой сынь; коллод, чтовъ выдержалъ испытаніе; хорошо подражалъ моихъ присутилъ подвигамъ. Досройнымъ образомъ укладилъ свой сыновній долгъ! Трикостилъ рукой къ моихъ стѣпкамъ, козорья ты всегда почиталъ;

^{4. 1818-1819} прилбни модяцими чырами къ моеи цецкы, гесус
 козорой зетерс возсрэнновленса. Гордак дуча склоняеца
 передь звоеи храбросуто, спасиет гесус рода, который
 былъ тиль многими корольми Касулим".

Во всякомъ случаѣ эрозъ оцривокъ несравненно
 выше соотвѣствующихъ ему мѣсцъ во французской
 пьесѣ. (Сцены V и VI зрелъяго акта). Хозя Корнелъ,
 подъ влidayемъ поддязьихъ кардиналовъ Ринелге
 горячихъ споровъ о зрель единсувалъ, и сдѣлалъ въ
 своей пьесѣ нѣсколько удачныхъ поправокъ, но зель
 не менше отъ сосредоточилъ главный интересъ все-
 заки на борьбѣ долга и любви, — борьбѣ впервые соз-
 данной гениель Тилгема де Касуро.

Въ образокъ эзой зема Корнелъ не превзошелъ
 своего испанскаго предшесвенника ни художесствен,
 поэто, ни драматургеской силой, а по времени.ль отъ
 дѣлаецъ даже довольно сущеественные пронахи. Платъ
 напр., чтобы санагъ дѣйзвие въ рамки 24 часовъ, былъ
 зо нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ оно происходиль у
 Касуро, Корнелъ долженъ былъ допусцигъ насиліе сесуе,
 вениль губецъ и засрабиль дѣвучику влюдигъса
 въ удійцу оца, президе немели четьли унеси его
^{4. 1818-1819} въздыханый зрукъ. Отъ передъляваецъ закше сцѣ,
 ну ссоры, козорай у Касуро происходиль въ присуцъ,
 звий король; вслѣдствіе того сцена эза выходиль у

него менее зрагичной и естественной. Не зная истории, Корнель далагер Севилью резиденцией королевского двора двумя столетиями раньше, чем в то время город был оживлен у мавров. Подписав в действии условными правилами зреть единство, начинавшими уже господствовать на французской сцене, Корнель, правда, свучившись исключил из своей пьесы находящийся у Кастро столь неуместный эпизод о чуде св. Лазаря, заимствованный Тилленом из сардинского романа, но вообще говоря, Корнель искавил свободный и естественный ход событий и тем самым ослабил произведение или впечатление.

Это предшественник, Тиллен де Кастро, напротив, взявши факты своей драмы такими, какими они сохранились в народных преданиях, сразу завоевал себе симпатии публики и в то же время сохранил действие своим и жизненное сардинского романа и придавал всей пьесе яркую национальную форму и колорит. Пьеса была представлена в королевском театре, где гордый граф Лозано наносил оскорбление оуди, якоби некогда сцене между Сидом и Хименой и между ними обилие и королю, одличающая в авторе поэтическую силу и большой драматический талант.

Значительно слабее взоран час, где описывается II час.

осада Заморы, гибель короля Санчо под стенами
этого города, обвинение в укрывательстве убийцы
короля, задержавшее весь весь города, и рядъ сѣ.
добавимъ за этии событиями вызововъ и поедин-
ковъ." Искоторыя мѣста, напр., подробности смерти
короля, собственно непригодны для драматическаго пред-
ставленія, — до того отъ грубы и оубраженны. Но
даже и здесь, какъ и въ другихъ болѣе счастливыхъ
сценахъ, де Касуро сумѣлъ перенести въ свою
драму народный взглядъ на героическія времена,
и въ изображеніи, и, благодаря этому, придавъ
своимъ сценамъ широту и реальность, едва-ли до-
стигшимъ другими нухемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, главнымъ предметомъ разбираемой
драмы и составляетъ эпоху народный колоритъ, эти
народныя преданія, которыя постоянно пробиваютъ
ся изъ вѣтвей поэмы и другой поэмы и придаютъ
ей особенную живность. Такъ оскорбленіе пре-
святлаго Сиды въ соборѣ, жалоба Кимены королю
на убійцу отца, отрочество Сиды въ своей возлюблен-
ной, исторія прокаженнаго Лазаря, низкое преда-
тельство Велсидо Долсфоса, упреки королевы Ур,
раки съ высоты стѣны осажденнаго города и сѣ,
дущие за ними вызовы и поединки, — все эти
сцены замечательны изъ старинныхъ романсовъ, касо

де Касуро изанесен-
най въ Partidas VII,
Tit. III, "de los Rier,
tos" (О вызовахъ).

1) Эти события занимаютъ пространное мѣсто въ "Crónica General"
(Parte II), въ "Crónica del Sid" и въ старинныхъ романахъ. Обвинение въ
укривательствѣ убійцы короля Санчо, известно подъ названіемъ El Reto
de Zamora. Оно имѣетъ характеръ вызова, сохраненный за нимъ Толекеномъ

дословно и всегда съ сохраненіемъ иль духа, съвѣсери
и живописныхъ подробностей. Это должно было порази-
тельно дѣйствовать на касимскую публику, всегда губ,
свѣдѣльскую къ красотахъ старинной народной поэ-
зии, всегда способную возбудиться, словно боевыми
кличками, рассказами о подвигахъ старинныхъ на-
родныхъ героев. Вспомните зого и центъ драмы.

Пьеса Тилсона де Касро, героемъ которой является
Сидъ, была не разъ перепечатывалась, чего побидительному
не дѣлалось съ другими его пьесами. Волзгеръ въ своемъ
предисловіи къ Корнелевскому Сиду говоритъ, что Кор-
нель замечивалъ содержание своей пьесы у Пюана
Диаманте, написавшаго «Осаду Заморы» (въ Cécile de Zamora,
та) пьесу на языкъ еще самый сложный, какъ и въ развѣтѣхъ
пьесы Тилсона де Касро о Сидѣ. Диаманте написалъ
и пьесу «Le combat de sa patrie» (Сынъ, почитающий своего
отца), гдѣ введена сцена Сиды съ графомъ Лозано. Эта
пьеса обратила на себя наибольшее вниманіе за гра-
ницами. Вспомните ошибку Волзгера, ее долгое время
считали оригиналомъ Корнелевскаго Сиды, что было
вторично совершенно въ образномъ смыслѣ, такъ какъ
пьеса Диаманте появилась двадцать лѣтъ спустя послѣ
знаменитой французской трагедіи и въ ней многое
замечено изъ послѣдней.

Всѣмъ видна драма де Касро москрь на себя слѣдѣ

Здесь же принципы и зная же приемы поэмы, композиции, с которыми мы уже ознакомились. Отношение к мифологии своим сюжетом старая сказка и предания. Также напр. содержание песни, «Казодия» ^{Trinidad} «Вое любовицуво» (El cunioso impertinente) заимствовано из сказки, которую Сербангеец рассказал во первой части своего «Донъ-Кихота»: «Графъ Маркосъ» (El Conde Marcos) и «Графъ Урлосъ» (El Conde d'Uelos) взятъ изъ прелестныхъ старинныхъ романсовъ подъ теми же названиями и т. д. Впрочемъ во всемъ этомъ видно желаніе удовлетворить національному вкусу; и здесь, какъ и вездѣ, Гусманъ де Кастро является ученикомъ Лопе де Веге и отличается отъ своихъ соперниковъ больше легкостью и плавностью стиха, нежели другими болѣе существенными и оригинальными достоинствами. Пьесы де Кастро, въ числѣ 27 или 28, были написаны между 1614 и 1625 гг.

Луисъ Велесъ де Тевара (1574—1644).

Третьимъ изъ раннихъ подражателей Лопе де Веге былъ Луисъ Велесъ де Тевара (двуречка). Онъ родился въ Эсихтѣ, въ Андалузій, по другимъ свидѣтельству въ 1570, по другимъ въ 1572 или 1574 г., жилъ посто, ятно въ Мадридѣ, гдѣ и умеръ въ 1644 г., назначивъ графа Лемоса и герцога Верагуаса, поэтника Колумба, своимъ душеприказчикомъ. Благодаря ихъ участию,

онъ былъ похорошенъ съ погребальни и церемоніями, болѣе сообразовавшимися нѣ въ высокому положенію, чѣмъ его скромной долѣ. ~~У него были сынъ, писавшій нѣскы выдержки въ джурналѣ.~~

Тевара былъ очень плодотворный и популярный драматургъ. Есть дозрѣтый свѣдѣтельства, что еще за 12 лѣтъ до кончины нѣмъ было уже написано для театра 400 пьесъ. Однако же онъ не удостоился полного собранія своихъ произведеній и по тому до насъ дошли только немногія изъ его пьесъ. Онъ писалъ какъ религиозныя, такъ и свѣтскія драмы. Въ его религиозныхъ драмахъ мы, по обыкновенію, видимъ, какъ мы, божья приключенія приключаются къ возвышеннымъ духовнымъ порываніямъ къ тому, что должно быть наиболѣе удалено отъ грязи человѣческихъ страстей. Такъ въ пьесѣ «Три великія гуда» (*Los tres mayores portentos*) мы находимъ всю исторію св. Павла, который въ первыхъ сценахъ изображается любовникомъ Маріи Магдалины. Другая драма, «Дворъ Сатаны» (*La Corte de Satanas*) передаетъ намъ исторію Фома, который оказывается сыномъ Сарейской вдовы, живущимъ при мидеійскомъ дворѣ въ царствованіе Мика и Великаида; пьеса обработана такими ужасами, которые, казалось бы, совершенно неудобно высказывать передъ поштенными и вѣрующими зрителями.

Мзь его свъзскимъ пьесе „Торная Диана“ (*La Luna de la Sierra*), напр., есе позрительская картина вторно, ери королю, мусьсува и правьсуветнаго доуоуисува низшимъ слоевъ испанскаго общьсува. Вьсе эри ка, гьсува олицьстворены въ гордомъ и независимомъ се, льминь, козорый шенуца на одной красочить мзь состодинь горь, ко въ несгазито видуца, что одитъ вьсе, мозна прьслодуца его подругу своето мьдовьсто. Оу прь, сльдовань эрихъ молодая шенуца спасаетъ зотско благодарь озкрытому и сльголку ходазайсуву мусна передь королевой Изабеллой. Эза пьеса посравлена первой въ сборникъ „*Flos de las Mayores Dose Comedias*“ 1652 г.

„Торшенихъ мзь Окань“ (*El Olvido de Osana*) также комедия инуриги и, подобно предвидущей, строго держуца целовий эзого рода произведений. „Царьствованье посли смерри“²⁾ (*Reinar despues de morir*)³⁾, наконець, предь сравадере трагедию полную меланхолии и идиллической пылности, вьплоть соотвьзующей судьбь Инеси де Касуро, печальная исторія козорой дала содержание пьесе.

Теперь обратимъ къ самой лучшей мзь сохранив, тыхъ драмъ Тебара, если судуца по чьстьлу ея первьихъ предьсавлень и по форму мьсу, козорое она сохранила за собою въ общьсуветномъ мьтньи. Эзо — „Нас рьса

1) комедия инуриги,

2) или „Царьствованье — завьль умерьт“.

3) — исторія Инеси де Касуро,

el Rey que la Sangre (Король басинные узлы крови), сви,
 дозельсервующая о болемоль драматическомъ искусствѣ
 абзора. Въ основу этой драмы положены хорошо из-
 вѣстная эпизодъ изъ исторіи Санчо Храдраго¹⁾ и озн,
 сдѣйствъ къ тому времени, когда въ 1293 году городъ Ма,
 рифа возитъ Гидралцара болъ осажденъ мѣзеситымъ
 королевскимъ драгомъ, принцемъ Донъ-Хуаномъ, сжав,
 шимъ во главу арміи мавровъ, а защитицу города при-
 нялъ на себя Алонсо Пересъ, глава вельможнаго
 дома Тужмановъ.

Донъ Алонсо Пересъ де Тужманъ хорошо защитицать
 вѣрениый ему городъ. Но у инфанца Донъ-Хуана болъ
 нашелъ сынъ этого Алонсо Переса. Мадъдеса на это,
 отъ потребовалъ у Алонсо сдачи города, угрожая въ
 прозвѣтномъ сиротъ убить его сына. Донъ Алонсо оз-
 вогалъ, что отъ не можеть сдатьъ этого, потому
 что городъ принадлежить королю; что до угрозы у,
 мерзвиль его сына, то отъ самъ готовъ дать ему кинжалъ,
 годный для этой цѣли. И съ этими словами отъ не-
 редросиль черезъ городскую стѣну свой кинжалъ, при-
 бавивъ, что отъ скорѣе готовъ погубить сына и еще
 нѣзрѣвиль другихъ, если бы они у неабили, нежелли
 болъ низкими предательствъ и сдать содѣзвенность
 короля, его повелителя, козролу отъ присягалъ въ
 вѣрности. Хотя вздѣшешный Донъ-Хуанъ и вельмъ

1) Санчо el Bravo

заръзаръ ребенка на глазахъ отца, но при всемъ томъ онъ никогда не могъ видеть города.¹⁾

Еще рассказываютъ объ этомъ ужасномъ событіи слѣдующія подробности: Бросивши свой кинжалъ, Алонсо, подавивъ свое горе, съелъ съ женою отъѣздъ. Въ это время народъ съ воемъ городскихъ укрѣпленій видѣлъ ибѣлъ невиннаго ребенка и разразился криками ужаса и негодованія. Алонсо всталъ было изъ-за стола, но, узнавши, въ чемъ дѣло, спокойно вернулся къ столу, говоря: „А я думалъ, что мавры ворвались въ городъ“.

Маркисъ де ла Роза, писавшій о Тузмани въ романѣ „Изабелла де Солисъ“ (Isabel de Solis), описывая реальную или воображаемую картину смерти юнаго Тузмана, приписываетъ отцу болѣе нѣжности по отношенію къ сыну. Но суровая старинная Хроника по большому вѣроятію дѣлаетъ къ истинѣ и всея придерживается ея.

Далѣе мы знаемъ изъ преданій, что за это позорное вѣнчаніе отцовскими губами долгу вѣрнаго подданнаго Тузмана было награждено прибавленіемъ къ козоравъ ауррибузовъ къ его гербу, въ чемъ можно удостовѣриться и теперь по фамильной печати и прозвищу де Вието, — добраго, вѣрнаго. Въ испанской легендѣ это прозвище почти неразрывно связано съ

¹⁾ См. Cronica de D. Lancha el Bravo, Valladolid, 1554, folio 76.

История испанской литературы во XVII ст.

именем Алонсо Тужмана.

Таковы сюжет и заков на самом деле суть, ^{как упоминается} пьесы Тебары, Король вазинное изъ крови (Mas pesa el Rey que la Sangre). Въ началѣ драмы король Донъ-Санчо обращается со своимъ великимъ вассаломъ Алонсо Пересомъ де Тужманомъ крайне жестоко и несправедливо, такъ что героическая вѣрность вассала еще рѣзже высунулась въ концѣ драмы и про- изводитъ вѣщій эффектъ. Сцена, когда Алонсо Пересъ выходитъ отъ короля раздраженный, но вполнѣ покорный королевской власти; сцена между отцомъ и сыномъ, которые поддерживаютъ другъ друга призывомъ къ долгу и чести и единогласно заявляютъ, что лучше пережить все, но не сдавать города врагу; на- конецъ, послѣдняя сцена, когда по связи осады Алонсо Пересъ приноситъ зреть своего сына, въ до- казательство своей вѣрности и покорности неспра- ведливому государю, — вотъ эти сцены дозоймы мур- шиль английскихъ трагедій и представляють не ма- ло сходства со сценами изъ произведений Триста, Узбегера и даже Шекспира.

Въ качествѣ произведений, прославляющихъ без- грабичную вѣрность королю, эту великую добродѣ- тель героическихъ вѣременъ Испаніи, драма Тебары возбудила всеобщій восторгъ и заняла видное мѣсто

не только в истории национального театра, но и вообще, как иллюстрация национального характера испанцев. Раздражаемая с эры досек зритель, драма Тебара представляется грандиозной, шимь явлением новейшей сцены. Конечно в ней, как и в большей части других драм Тебара, много панциженного и отчасти горизонтального. Но возвышенный тон, который она проникнула, всегда находил отклик в испанском характере.

Последняя из пьес Тебара, которую мы хотим здесь еще рассмотреть, это — „Штандя дьявола с Мадрилейосским священником“ (El pleito de Diabolo con el Cura de Madrilajos). Если и этой пьесой Тебара не нарушил законов драматического искусства, то переступил границы дозволенного на испанской сцене и тем навлек на себя неудовольствие всеобщей инквизиции. В пьесе этой, соименной Тебара, рою вытеснен с Паласом и Мирой де Мескуа, он вывел на сцену историю одной бедной, полубольной вдовушки, которая просила за колдуна и избавилась от смерти только благодаря сознанию, что она одержима дьяволом. Дьяволы эры засраивают вайри из ея глыба зурь же на сцене, с помощью разлитых призываний и заклинаний. Пьеса эта, по всей вероятности, основанная на факте, весьма

любопытна по содержащимся въ ней сураннымъ
 догматамъ. Но известно, что въ Испаніи колдовство,
 судъ надъ нимъ и наказаніе принадлежали исклю-
 чительно вѣдѣнію святого судиллица. Въмѣстѣ
 этого пьеса Тебары была изгнана со сцены; ее за-
 прещено было даже читать и она скоро была забыта
 публикой. „Нужно признаться“, замѣчаетъ Тикторъ,
 „что подобные случаи весьма рѣдко встрѣчаются
 даже въ исторіи испанскаго театра“.

Это Тебара любитъ изображать въ своихъ сочиненіяхъ,
 мѣжду прочимъ и зову подобныя суранныя, видно
 еще изъ его повелли „Хроной Бъсъ“. Въ области
 повелли существуетъ еще одна разновидность, до какой
 степени непохожая на сказку, что заслуживаетъ
 особаго разсмотрѣнія. Ее иногда называли алле-
 гической и сатирической повеллюю, а потому она
 называлась „Виденіемъ“, вѣроятно по воспоминанію
 о ситаллахъ и оригинальныхъ Виденіяхъ (Visiones)
 Кеведо. Но замѣчательнѣйшимъ образкомъ этого
 рода повелли является „Хроной Бъсъ“ (Diablo Cojuelo)
 де Тебары, изданный въ 1641 г. Сюжетъ этой не-
 болшой повести заключенъ въ томъ, что одинъ сынъ,
 дитя освобождаетъ храмова бѣса изъ его землицы
 — изъ буфыки, куда его засадилъ одинъ волшебникъ —
 и что, въ благодарности за эту услугу, бѣсъ уноситъ

начиная съ 1641 года. Лесагивъ заимствовалъ своего Хромого Дьявола (*Le Diable Boiteux*), появившагося въ въ 1707 году, главнымъ образомъ у Тебары. Десятинадцатый лѣтъ существуетъ, отъ вежавилъ въ свое произведение нѣскольکو другихъ испанскихъ разсказовъ, заимство-ванныхъ у Франсиско Санхоса и у другихъ, и нѣсколь-ко скандальныхъ анекдотовъ изъ парижской ми-ра. Въ эпоху промежутокъ времени *Diablo Cojuelo* былъ предѣланъ для сцены, гдѣ имѣлъ, какъ и въ своей первоначальной формѣ, громаднѣйшій успѣхъ.

Доэпохи Лудиса Велеса Тебары были призна-ны и Сервантесомъ и другими. Такъ, напр., Антонио и Монзалванъ говорятъ о Тебарѣ, какъ объ одномъ изъ лучшихъ и наиболѣе популярнѣхъ драматическихъ писателей своего времени.¹⁾ А такъ какъ расположение публики и двора не покидало его до конца долгой жизни, то можно съ увѣрен-ностью сказать, что онъ былъ однимъ изъ наиболѣе популярнѣхъ драматурговъ той эпохи.²⁾ Переписан-ная нами пьеса Тебары разбѣдана по различнымъ сборникамъ. У Тебары были сынъ, писавшій пьесы вычурнымъ языкомъ (*cultista*) и умершій въ 1675 г.

Пересъ де Монзалванъ (1602—1638).

(*Peres de Montalvan*). Если-ли не самымъ усерднымъ подражателемъ Лопе де Веги былъ его биографъ и по-

1) Антонио (*Bib. Nov.*, Том. II, р. 68) и Монзалванъ (въ кака-мось авторомъ приложенномъ къ его *Para Todos* 1661 г., р. 545).

2) Но болѣе всего Тебара знаменитъ своимъ романомъ „Хромо́й Дьяво́ль“.

клонникъ Тересъ де Монзалванъ, сынъ придворна,
 го книгопродавца, родившійся въ Мадридъ въ 1602
 году. Отецъ Монзалвана долженъ былъ сделаться
 священникомъ еще при жизни Лопе де Велъ, такъ какъ
 былъ его исповѣдникомъ. Подобныя превращенія бы-
 ли въ то время не рѣдки. Семнадцати лѣтъ отъ
 роду Тересъ Монзалванъ уже былъ лиценціаромъ
 геологій и авторомъ нѣсѣхъ, имѣвшихъ порядочный
 успѣхъ; восемнадцати лѣтъ отъ соудался съ знамениты-
 зыишими поэтами той эпохи въ поэтическомъ тур-
 нирѣ по случаю канонизаціи св. Исидора Мадрид-
 скаго и съ одобренія Лопе де Велъ получилъ одну
 изъ конкурсныхъ премій. Немедленно вслѣдъ за этимъ
 отъ былъ удостоенъ степени доктора геологій и, по
 примѣру своего друга и учителя, вступилъ въ бразерво
 Мадридскихъ священниковъ и на службу инквизиціи.
 Въ 1626 г. одинъ богатый перуанскій купецъ, съ ко-
 рымъ отъ не имѣлъ никакихъ сношеній и котораго
 даже никогда не видалъ, прислалъ ему изъ Новато
 Свѣжа пенсію, какъ своему капеллану, съ тѣмъ, что
 бы отъ молился за него въ Мадридѣ. Несомненно,
 что купцомъ руководило въ этомъ случаѣ исклю-
 чительно уваженіе къ таланту Монзалвана. Въ
 слѣдующемъ году Монзалванъ издалъ маленькую
 назидательную книгу, Жизнь св. Падрика и его гиски,

лице; В 1632 г. онъ, по его собственному призна-
 нию, сочинилъ 36 комедій и 12 autos; въ 1636 году,
 вскоре послѣ смерти Лопе де Вегы, онъ издалъ восфор-
 менный до кельтпоези памфлетъ ему, о которомъ
 мы уже упоминали у Лопе де Вегы. По всей вѣроят-
 ности это было последнее театральное произведение
 Монзалвана: вскоре изощренный непосильного
 работою, онъ отпадно заболѣлъ и умеръ 25 июня
 1638 года, едва достигши зрѣлѣйшаго возраста.
 Монзалванъ умеръ отъ двухъ ударовъ на-
 раллиа, смерть послѣдовала безъ страданій.

Однимъ изъ друзей (Pedro Grande de Tena) почиталъ
 его наизябъ, столь же заблудиво, какъ это сдѣлалъ онъ
 самъ по отношенію къ своему ученику Лопе де Вегѣ.
 Другъ другъ собралъ весь стихотвореній и сражи, на-
 писанныя какъ извѣстными, такъ и неизвѣстными,
 и писавшими того времени въ похвалу Монзал-
 вану, числомъ около полутороуся, и издалъ ихъ подъ
 заглавіемъ „Lagrmas Panegiricas à la Temporal
 Muerte del gran Poeta, etc. Juan Perez de Montal-
 van, por Pedro Grande de Tena, Madrid, 1639“ (По-
 хвалыныя слезы на безвременную кончину велика-
 го поэта Хуана Переса де Монзалвана...), гдѣ коза
 и блестящъ имена нѣсколькихъ извѣстныхъ писате-
 лей, но весьма мало стиховъ, досройныхъ звуковъ абзо.

ровъ, и лица, козорому они посвящены. Кеведо, братъ Монзалсвана, единственный изъ всьхъ поэтовъ, оцзущъ, съвие козораго заложно въ эзакъ (довалско плехомъ) сборникъ.

Корозка, но блесзница была жизнь Монзалсвана. Мы уже слышали, что едва-ли не самымъ усерднымъ подражателемъ Лопе де Веге былъ Куаръ Пересъ де Монзалсванъ. Икакъ понятно, что онъ написалъ своего м., трагедурную драмъ. Могенъ рано онъ выступилъ писателемъ. Именно рукопись одной изъ его комедий „La Deshonra Honrosa“ помъе, на 1622 годоу, когда Монзалсвану было всего двадцать лътъ. Самъ онъ говоритъ въ предисловии къ „Симплисион и Облигацион“ (Исполненіе долга), что это была его первая пьеса и что лучшимъ изъ драматическихъ произведеній онъ считаеъ пьесу „Doncella de Labor“. Позомо одъ Орфрей и Юридикъ, изданной имъ въ августъ 1624 года, онъ конкурировалъ съ поэмоу подъ званіемъ заглавіемъ донна Куарса Лауреги, вышедшей двумя лътъ раньше. Говорили даже, что поэма Монзалсвана въ драматическомъ была написана, на Лопе де Веге, сделавшимъ помъе своему времени, къ въ борьбѣ съ опаснымъ соперникомъ. Но всема въ, родно, что это фанско сплетня поэмоу; ибо сама же поэма, заключающая въ себѣ около 230 осьмистрог.

ныхъ срансовъ плавныхъ и гармоничныхъ, какъ сри-
ли Лопе де Вега, но скорѣе носилъ на себѣ печать юна-
го, а не зрѣлаго таланта. Кроме того, срнхозворное
предисловіе, предпосланное поэмы Монхальвана Лопе
де Вегого, и въ особенности его преувеличенныя похвалы
ейъ сравнительно со своей содѣвленной драмой на толь-
ко сие сюзмеръ, — Л. де Вега говоритъ въ предисловіи имен-
но, что „*Orfeo en Lengua Castellana por F. P. de Montal-*
ván, Madrid, 1624, „содержишь все, что можешь думать
совершеннымъ поэтическое произведение, — сравнѣте
дѣло какъ, что упомянутое предположеніе, будто бы самъ
Лопе де Вега авторъ этой поэмы, являясь уже прямою
оскорбленіемъ характеру Лопе де Вега.

Въ 1627 г. Монхальванъ издалъ, какъ мы уже слы-
шали, маленькую книжику, Жизнь св. Патрика и его
писулице (*Vida y rrengatorio de san Patricio*). Сюзмеръ
этой быль весьма популяренъ въ католической церкви
и Монхальванъ обработалъ его вторично примѣни-
тельно къ уредобавленію своего сата. Пѣнье не ме-
ньше, какъ и у Лопе де Вега, природная склонность взя-
ла у Монхальвана вервь надъ благоговѣнными сообра-
женіями и рассказывая легенду о св. Патрикѣ, отъ
придалъ къ ней странную сказку почти вполне
содѣвленного сочиненія, но какъ тѣсно связанную
съ главнымъ сюзмеромъ, что раздѣлѣтъ ихъ нельзя

и гизахельно приходилца принимахъ обѣ на вѣру. Въ
качествѣ назидательной книги это сочиненіе имѣло
нѣскольکو изданій.

Де Монкастабанъ оставилъ нѣзубовскій романъ, Vida
de Malnadas и другія сочиненія, готовя къ печати,
но они никогда не появлялись на свѣтъ. Однако Мон,
Замбаганъ пользовался популярностью преимущественно,
но, какъ драматургъ. И у него мы встрѣчаемъ частую
такого же рода тѣса, каковы у его друга Лопе де
Веги, комедіи плача и шпана (Сара у естрада), незо,
ривескія драмы, Autos, духовныя драмы и т. п. По-
дробнѣе я озаковлюсь лишь на слѣдующей дра-
мѣ: „Терузелскіе любовники“ (Los amantes de Teruel).
Сюжетомъ для нея послужило преданіе, существовав-
шее еще въ XIII вѣкѣ въ Арагонскомъ городѣ Те-
руэль, гдѣ жила влюбленная пара. Прозивъ драка иль
возражала семья невьскы на замъ основаніи, то мо-
лодой челоувѣкъ недооказочно богарь для нея. Вмудя,
козь нѣскольکو лѣтъ срока, тобы приобрѣхеть поло-
женіе, досройное его невьскы. Молодой челоувѣкъ согла-
шахся на эти условія и поступилъ въ военную службу.
Бу. Онъ совершаетъ блестящія подвиги, козоре одна,
но долгое время озаковъ неизвѣстными. Наконецъ,
достигнувъ своей цѣли, онъ въ 12172. возвращахся
на родину славными и богатыми. Но было уже поздно.

Дамы его сердца вынуждена была поневоле отдать
свою руку его сопернику и именно въ ночь самой ве-
черь, когда онъ вернулся въ Шеруэль. Обезумительный
горя и окаяннй обмануемый любовникомъ продирается
въ брачную комнату и падаетъ бездыханною у
ногъ своей возлюбленной. На другое утро, когда свя-
щенникъ приходитъ въ церковь слушать панихиду
по усопшемъ, онъ находитъ молодую женщину, по-
видимому, сидицей у его гроба. Но оказалось, что она
фактически умерла отъ горя, — и несчастныхъ любовниковъ
хоронятъ въ одной могиле.

История эта сильно подвѣствовала на юное сердце
воображеніе Монтальванка и у него возникло жела-
ніе обработать ее въ формѣ драмы. Онъ перенесъ
своихъ влюбленныхъ въ эпоху Карла V, т. е. въ одну
изъ самыхъ интересныхъ эпохъ испанской исторіи.
Вотъ планъ этой замѣчательной драмы.

Первый актъ начинается сценами, могущими
дать понятіе о томъ затруднительномъ и опасномъ
положеніи, въ которомъ находится влюбленная
пара. Героиня Изабелла вступаетъ со своей сестрою,
котою привязанною, козюракъ, посылъ въ козюрокъ ко-
лебаний и прендзубий, превращается наконецъ въ
могущую срасть, какъ бы заранее обреченную на
великій сраданіе. Узнавши о любви своей дочери,

одежду соглашаеся на бракъ ея съ условіемъ, что въ зрелѣтнѣйшій промежутокъ молодой человекъ приобрететъ себѣ въ свѣтъ положеніе, достойное его будущей супруги. Влюбленные охотно соглашаются на это условіе и первый актъ оканчивается надеждами на полную удачу.

Проходя въ почти три года между первымъ и вторымъ актомъ. Мы встрѣчаемъ героя пьесы при знаменитой осаде Булгарской крѣпости, въ Плуиствѣ. Онь совершаеся множество блестящихъ подвиговъ, но они остаются незамѣченными и отгаки не овладѣваютъ его душой. Наконецъ онь спасаетъ жизнь самому императору, но и зоръ героическій похунокъ остраеся незамѣченными въ полку дурны. Пыль не менѣе онь продолжаетъ мужественно сражаться и первый вскопидуръ на крѣпостствѣ сѣтны. Въ концѣ концовъ на сцену остраеся похунокъ признанія его заслугъ и онь сразу получаеся награду за все имъ содѣланное.

Въ зрѣлствѣ, послѣднемъ актѣ, героя ждетъ чинное разогарованіе. Изабелла, козоручу угодилымъ въ снѣрзи ея возлюбленного, горобуеся, полная злобыщилымъ предубеждѣнїемъ, сраея женого другого, повинудея волю оуца. Обрядъ совершаеся, свидѣтели хозарь уже удалилеся, но въ зоръ похунокъ появляеся несчастный любовникъ. Между ними и Изабеллой происходить разрывающее

душу объявление и пободрачная разсудаясь набоки со своимъ возлюбленнымъ, но отъ слѣдущей за нею въ ея комнату и, полный отчаянiя, осыпая упреками себя и ее, падаетъ бездыханный у ея ногъ. Немно, го спустя входитъ пободрачный. Мзаделла разсказы. ваеъ ему своего печальнаго исзорiа и подкомешная горель и отчаянiемъ, зоме падаетъ бездыханнаго на зрукъ своего возлюбленнаго.

Какъ мы видимъ, Монзалсванъ довольно сурого при, держиваеъ древняго преданiя. Но Los Amantes, подобно, но весьма псесамъ эрой казесорiа, и мнѣнъ много не, досказковъ. Такъ, напр., роль gracioso (шутка-служки), не, издѣливая по обыкновению lone de Вели, зоме явля, едъ особенно неумѣстной; кромѣ того безрѣчаются безконечно длинныя монологи и словъ отзывается напыщенностью. Однако, не смотря на все это, псеса проникнута нежинно-эрагическимъ духомъ, и какъ какъ ея сюжетъ слагался нежиннымъ происшествiемъ, го она мнѣла при первомъ представленiи громаднѣй устель. Въ эрой псесе Монзалсвана едъ и сцены болѣе интимнаго домашняго характера, чѣмъ это вообще допускаеъ въ испанскимъ драмахъ; ознѣ, зиль въ особеноси сцену, когда Мзаделла со своимъ женихомъ сидитъ за скучнымъ ширемъ, въ от, суревiа своего возлюбленнаго, позомъ сцену ея печали

и отпавшая передъ свадебной церемоніей, наконецъ, нѣкогорыя пѣска въ ужасной сценѣ, заканчивающій собою пѣсу.

Литоскри дѣлѣ въодленимыя одрисованы очень удачно. Мирерь не ослаблелъ ни на одну линію; характеры героев выдержаны и развиты съ такими маскерсховаль, что печальная казасуррофа нисколько не удивляетъ насъ. Она скорѣе представляется намъ какіе неозобразимой, какъ судьба въ древней грече, ской драгедіи, уже съ самаго начала Фросатонца своего прекрасную жизнь на все дѣйствіе. Мракъ между, вѣдѣльно, что пѣса эта пользовалась неизменною популярностію, очень часто перепечатывалась и никогда не сходила со сцены.

Это старинное преданіе, которое служило поводомъ Вану Сюмьеру его пѣсы, драгедіи, многократно обработано уже раньше. Для сцены Эозъ Сюмьеръ привелъ де всего ^{въ 1772} Андросовъ Рей де Арцедѣ въ его пѣсѣ Атан. тел, изданной въ 1581 г.; позовъ эта же пѣсориа теру, Эласкиль любовниковъ вступогаеда также въ XI пѣсѣ, нѣ поэтическаго романа Феронима де Чэрри Флотан. до de Castilla, 1588 г.; далье на Эозъ же Сюмьеръ написалъ Большая поэма Яге де Саласовъ (Чаде де Salas) въ 1616 г. и наконецъ Эозъ вѣтний Сюмьеръ обработавъ для сцены и Пирсо де Молиной въ его

Amantes de Teruel 16252.; но обѣ пьесы предшесъ.
 Венниковъ Монжабсвана, похвостная грубо и на-
 писанныя плохими стихами, были уже давно по-
 забыты, когда появилась трагедія Монжабсвана. Но
 при сравненіи, Amantes de Teruel Турсо де Молины
 съ трагедіею Монжабсвана, напечатанной три года
 спустя, нельзя не замѣтить, что послѣдній много за-
 истребовалъ у своего предшесъвенника, но при этомъ
 придавъ дѣйствію много красоты, а метрами и задум-
 шевой поэзіи, козорад, несомненно, вытекала
 изъ его собственной натуры. Итакъ, помимо своей
 правдивости, изоріи сурраданій двухъ модящихъ мо-
 лодыхъ сердець, непобитыхъ ни въ какомъ процесу-
 къ, всегда будеть гизаться и сморреться съ живыми
 интересомъ.

Самъ Монжабсванъ приговорилъ къ изданію два
 тома своихъ драматическихъ произведеній, козоре по-
 двилесъ въ 1638 и 1639 годахъ. Кроме того, онъ издалъ
 ранше нѣсколко своихъ пьесъ, сначала вичьсь съ
 одними изъ своихъ романовъ, а позомъ и въ другихъ
 сборникахъ, такъ что общаа сложносъ мѣ доходила
 до 60. Все изданное имъ самимъ было напечатано въ ко,
 слѣдствіи селъ изъ его жизни.

Мы легко поймемъ характеръ его драмы, его лире,
 разурную теорію и его стиль, если возьмемъ первый томъ

его сочинений, просматриваемый или изучаемый, не
 имели второй. Шесть комедий, почти половина всей
 книги, принадлежатъ къ разряду комедій плача
 и шута (Сара у есрада); какъ мы это уже у Лопе
 де Веги видали, все искусство подобного рода здесь
 заключается въ сценахъ ревности или въ издевки,
 основанной на ^{кляузы} циничномъ глумленіи дворянской
 чести. Есть отъ вообще подобныя его второй пьесе
 „Мсполненіе долга“ (Simple son en Obligation), о ко-
 торой самъ Монпельванъ говоритъ, что это была его вто-
 рая пьеса; есть отъ не отличающіяся искусствомъ поэзо-
 еніемъ, но сморраженъ съ издевательствомъ. Есть отъ изоби-
 лищю мѣстами, остротами и поэтически глумленіемъ,
 но задержанными въ безвкусовъ цѣломъ. Это въ осо-
 бенности приложимо къ комедіи „Сутьланнаго
 не борошисъ“ (A lo hecho rescho).

Изъ остальныхъ пьесъ четыре принадлежатъ
 къ историческимъ драмамъ; отъ основаны именно
 на историческихъ событіяхъ. Такъ въ одной изъ нихъ
 изображается уничтоженіе ордена тамплиеровъ, пьеса
 эта легла въ основу трагедіи Ренуара, одной изъ фран-
 цузскихъ трагедій, имѣвшихъ знаменитый успѣхъ
 въ первой половинѣ XIX столѣтія. Въ другой быль,
 день Седна, но не Ташизовскій Седна, а Седна, какимъ
 отъ изображается въ La stonica general de Эзрая.

Въ зрелой обзоръ изобразилъ Донъ-Луана Аберрийскаго. Пьеса эта, собственно, не имѣетъ развязки, если не считать развязкой разсказъ Донъ-Луана о соборенной жизни, разсказуемой на зритель суживѣ. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ есть одна довольно странная, очевидно написанная съ цѣлью заслужить благорасположеніе церкви, ибо въ основу ея положена легенда о св.

Педръ Алканзареконъ. Другая духовная драма Монъ-Залована „de Divino Nazareno Sanson“ (Божественный Назаретскій Самсонъ), содержащая исторію Самсона, начиная съ борьбы его со вѣломъ и заканчивая разрушеніемъ филистимлянскаго храма, менѣе способна ввести въ содроганіе, чѣмъ предыдущая пьеса. Пьеса, найденная въ книгѣ помѣщена пьеса „Теризские любовники“ (*Los amantes de Teruel*), съ которой мы уже ознакомились.

Когда МонъЗалованъ беретъ свои сюжеты изъ исторіи, онъ заимствуетъ своихъ современниковъ содѣлаетъ историческую правду. Въ двухъ драмахъ, посвященныхъ жизни принца Донъ-Карлоса, онъ изображаетъ принца не идеализированнаго, какъ у Шиллера, но въ истинной, почти свѣтлой, какъ ^{неугомоннаго} и безразсуднаго юнго, опаснаго для семьи и для государства. Если же въ силу господствовавшихъ въ его время взглядовъ, авторъ изобразилъ Филиппа II болѣе великодушнымъ и благо-

роителю, столь отъ насъ представляюща генеръ, роза
 зо онъ не преминуть съ поразительной ревностю
 выславить на видъ сурогоу, благородіе, охорошеноу,
 бывша преобладающими чертами въ характеръ этого
 монарха. — De Principe Don Carlos содержитъ разсказъ
 о чудесномъ излеченіи принца отъ припадка безу-
 мія, вторая пьеса, озаглавленная De Segundo Venca
de Эспайа заканчивается сценою съ королемъ съ
 Антонио Австрійскаго и названіемъ Донъ Луиса
 генералиссимуса каролинскаго лиги. Какъ харак-
 теръ, такъ и событія въ этой пьесѣ выведены по-
 гми одни и тѣ же, какъ и въ историческомъ сочи-
 неніи Луиса Кабрера, Felipe Segundo, Rey de Эспайа
 (1619.), написанномъ въ кругу придворнаго духа
 и бывшемъ, впрочемъ, историческомъ для монарха,
 на, котораго вообще не любилъ предпринимать бои,
 лишь пошкоть за своими изогниками. Сочиненіе
 Кабрера имѣетъ важное значеніе для исторіи того вре-
 мени, потому что этотъ историкъ потерялъ свои свобод-
 ния изъ весьма дохотворныхъ изогниковъ. Кабрера изъ
 Кордобы жилъ до 1655 года и хотя онъ довелъ свою исто-
 рію до конца, однако въ печати появился лишь пер-
 вый томъ, излагающій событія царствованія Филиппа II
 голско до 1583 года.¹⁾

Донъ Луисъ Австрійскій и Генрихъ IV французскій

¹⁾ См. чрезвычайно разумное и справедливое мнѣніе нѣмецкаго
 историка Ранке о Кабрерѣ въ его замѣчательной сражѣ о Донъ-
 Карлостъ (Zarb. der Lit. Wien, XLVI. 1829).

обрисованы столь же драммо въ зрѣль пьесахъ, гдѣ они являются главными действующими лицами. Донъ Мануэль выведенъ въ пьесе, посвященъ его имя, Терриль IV напро, живъ выведенъ въ „el Mariscal de Biron“ (1635г.). Этой пьесе предпослана *Historia Tragica de la Vida del Duque de Biron*, составленная Пабло Марциро Ризо. На этой исторіи главныя образы и основана пьеса, за исклю- ченіемъ зольско эксцентричнаго характера Донки Блан- ки, который не имѣетъ ни малѣйшей исторической под- кладки.

Уже сказано, что Монзальванъ соблюдаетъ историче- скую правду и царственныя свѣдѣнія современниковъ. Однако не то же должно бы мы сказали объ Autos этого поэта, изъ которыхъ впрочемъ до насъ дошли всего два или три. Это Poliſeto, напр., гдѣ Спасительъ и католическая церковь появляются на одной сторонѣ сцены, а Цик- лопъ, какъ символъ еврейства, на другой, — вещь настойчи- ко же эксцентричная и нелѣпая, насколько вообще нелѣпы подобныя произведенія испанскаго театра.

Тотъ же самый оузовъ приходится сдѣлать и объ его „Скандербергѣ“, сюжетъ котораго основанъ на исторіи знаменитаго Мскандера-бей, полугая и полуварвара, принявшаго христіанство въ срединѣ XV столѣтій. Въ самомъ дѣлѣ, какъ уже трудно повторить, говорить Шикпоръ, чтобы на какомъ-либо театръ могли быть

1) Сочиненіе П. М. Ризо — Трагическая исторія герцога Бирона — представляеть интересный образецъ біографій того времени. Оно было издано въ 1629г., семь лѣтъ спустя послѣ казни маршала.

представлены сцены, где Полифемъ играет на гитарѣ или где одинъ изъ древнихъ греческихъ охрововъ погруженъ въ море, посреди ракъ и буряковъ." Но Монзалванъ подразматъ во всемъ Лопе де Велла и, подобно другимъ драматическимъ писателямъ того вѣка, не боялся порицаній кризиски, поэтому что припаравливался къ вкусу мадридской публики.

Монзалванъ писалъ слишкомъ небрежно и поспѣшно, ^{напр.} этого пьеса „Неодоковенно вѣрная жена“ (*La mas constante mujer*), — одна изъ самыхъ привлекающихъ по зрелости и пылкости характера героини, была сочинена въ одинъ мѣсяць, разучена актерами въ недѣлю. Представленная вѣдь за годъ на сцену, она не сходила съ репертуара до наступленія болшихъ реформъ, живыхъ празднествъ Святой Недѣли, когда закрывалась вся театры. Пьеса „Двойное мщеніе“ (*Las dos venganzas* или „*De un Castigo dos Venganzas*“) со вѣсьми ея усмачами давалась въ зрѣніе мѣсяца безпрерывно. Въ концѣ этой пьесы, полной усмачовъ, Монзалванъ называеъ ее истиннымъ происшествіемъ, случившимся летъ 50 недѣль тому назадъ: *Historia tan verdadera*

Que no ha cincuenta semanas

Que sucedio.

Многія изъ его пьесъ основаны на сенсационныхъ происшествіяхъ ежедневной жизни. Другія же изъ

них основаны на литературных изогониках. Так, напр., сюжет пьесы, Ревнивый Эстремадурец (El Zeloso Extremeno) несколько разнится от сюжета одной из повелл Сервантеса, послужившей же заглавие. Мон. фальсифицирует многие отрывки Сервантесу и даже заимствует у него имена пьесозорных действующих лиц.

Наконец, Ночь жизни без грехи (No hay vida como el hono) — одна из весьма посредственных пьес Мон. фальсификатора. Пьеса не менее она шла одновременно на двух главных сценах мадридских сцен, — грех, которой до этого пор не удостоивалась ни одна из испанских комедий. Извращенность Монфальсификатора на сцене была так велика, что книгопродавцы находили выгоднее сравить его или на комедии, которой вовсе ему не принадлежали. Это так же энергически доказано было прозеизователем этого злоупотребления, как Лопе де Вега и Калдерон. Вообще, в период старости Лопе де Веги, никто из драматургов, за ис. исключением самого Л. де Веги, не имевший такого успеха, как Монфальсификатор.

Однако и на долю Монфальсификатора выпали неудачи и разочарования, обыкновенно выпадающие весьма редко писателям, чей успех зависит от благосклонности публики. Кеbedo, самый безпомощный сатирик того времени, однажды попал со свойственного ему поднесением

на менте удачный мюса въ одноль изъ произведений
Монзалсвана и въ другой разъ, когда одна изъ комедий
Монзалсвана была освисзана, отъ написалъ ему яко
бы уффиндретное, но въ сущности крайне обидное
письмо.

Подержаніе своихъ пьесъ Монзалсванъ замечувавль
изъ повелль и сказокъ и, чтобы придаць имъ жизнь
и движение, сосредоточивавль главный интересъ дѣй,
судья на губервѣ ревности. Подчиняясь требованій двора,
отъ избѣгалъ представлять на сценѣ народныя
возмущенія изъ боязни, чтобы его не обвинили въ
согубервѣи и дрезиникатъ, отъ даже не осматывалъ,
^{схавитъ} съ ~~високоносавленнхъ~~ лицъ въ униженнхъ по-
ложеніяхъ, чтобы его не обвинили въ заподозрили
въ осудервѣи въ рноподданнхъ губервѣ. Отъ,
какъ критики уфверидатъ, безавиль бы дѣйствіе псе-
са въ рамки 24 часовъ, з.е. соблюдалъ ^{бы} ~~зри~~ единства
Арисотеля, ограничилъ бы каждыи изъ зрѣль актовъ
зрѣль сцены сценовъ и даже согласилъ бы собственъ
не дѣлать антрактовъ, но это было прозивно наци-
ональному вкусу. Въ серьезнхъ мюсахъ своихъ
псѣь Монзалсванъ упорядкывль octavas, canciones
и silvas; въ новхъ — dècimas y losas и другія по-
добныя имъ формы, а романы отъ безавиль по-
всюду; дакдилей дие и дѣловхъ сценовъ отъ избѣгалъ,

поэтому что спускаль иль зданелыми и неуклюжими.
Но все это ничто иное, какъ нѣсколко болѣе разви,
дая сирена Лопе де Веге, изложенная въ его „Arte
Nuevo“.¹⁾

Въ юныя лѣтъ Монзалванъ срассно привязался
къ Лопе де Веге и до самой смерти оставался его го,
рѣшитель поклонникомъ, чѣмъ вполне заслужилъ
прозвище, которое далъ Трамакуръ и кризисъ Гомеира
Валддивияесо, „первороднаго сына и наследника
духа Лопе де Веге“. Великій драматургъ со своей сторо-
ны не оставался равнодушнымъ къ такой искренней
привязанности. Онъ не только ободрилъ и помогаль со,
взявши своему юному другу и другу, но и принималъ
его, какъ близкаго человека въ свой домъ и въ своего
семью. Мы встречаемъ здесь между двумя испански,
ми поздали почти такое же взаимное дружеское
отноше^{ние} и совмѣстную радость, какое намъ известно
изъ жизни Тере и Шиллера, или Монзалванъ за-
нимаеъ почти такое же отношеніе къ Лопе де Веге,
какъ Эрманъ къ Тере. И нападеніе Кеведо на
Монзалвана, вызвавшее полный негодования отвѣръ
последняго,²⁾ можно сравнить съ нападеніемъ Фрид-
риха Шлегеля на Шиллера и защитного послѣдняго
прозвѣя перваго. Но несмотря на все эти неприяз-
ныя случайности, авторскую карьеру Монзалвана

1) См. Pellicer de Tobar въ „Lágrimas“ etc., гдѣ онъ излагаетъ
интересную теорію своего друга Монзалвана.

2) Въ „Tribunal de la Justa Venganza“.

можно все-таки назвать весьма счастливой и его до сих пор справедливо считают одним из украинских старинного национального испанского театра.

Месиа // Амасиа Антонио Мура-де-Мескуа или Амескуа.

Антонио Мура де Мескуа или Амескуа, как его иногда называют, был поэт, в период 1602—1635 годов, поэтессами драматургическими писателями, которого высоко оценили Сервантес и Лопе де Вега. Родился он в Кадиксе, в королевстве Гранадском, но год его рождения не известен. Мы знаем только, что он еще в юном возрасте был соборным архидиаконом в Кадиксе. В 1610 г. мы его находим в Неаполе при позднему дворцу графа де Лемось; в 1620 г. он одерживает победу на стихотворном состязании в Мадриде, где и устроил в должности канцлера при Филиппе IV. Подобно Турсо де Молите, Мура де Мескуа был видным духовным лицом, но, как бы увидели, высокое положение не спасло его от невзгод, обыкновенно выпадавших на долю драматургических писателей того времени.

Матеря писала была у Мура де Мескуа грезвы-гайно перовна. Он писал свяцкскія комедіи, аи-хос и лирическія стихотворенія. Он был одним из авторовъ драмы „Мадридскій свяццникъ“ (38

Мизорид испанской литературы въ XVII вѣ.

сина де Мадриде), чтение и представление которой, какъ мы уже слышали, было запрещено рознать по ея выходу въ свѣтъ. Его пьеса „Мисражная Рахель“ („La Raquel“ или „La degradada Raquel“), основанная на легендѣ объ Алфонсе VII, едва не погубившимъ свою корону изъ-за своей любви къ прекрасной голедской еврейкѣ, была въ сильной степени искажена цензурою, хотя раньше Лопе де Вега позволили обработать роль же сюжетъ и въ томъ духѣ, въ 19-ой книгѣ его Завоеван. наго Ферузалима (Jerusalem Conquistada).¹⁾

Не смотря на все это, можно съ увѣренностью ска-
зать, что Мираде Мескуа въ свое время пользовался
такимъ же славою, какъ и другіе драматурги, иштовіе
устоять. Подразумѣлей и у него было много. Мандр.
его пьеса „Слуга дьявола“ (Esclavo del diablo) не только
легла въ основу драмы Августина Морето (умер.
шаго въ 1669 г.) „Пасе, что въ воздаче“ (Cae por levan-
tarse), но и даже Калдеронъ пользовался ею въ двухъ
извѣстнѣйшихъ своихъ пьесахъ. Зарѣчь изъ его ко-
медіи „Храбрый и скромный любовникъ“ (Galán valiente y discreto) Луанъ Ручь Аларконъ, о которомъ рѣчь
будеть въ послѣдствіи, заимствовалъ сюжетъ своей пьесы
„Испытаніе мужей“ (El examen de maridos), а его (Мескуи)
„Дворецъ въ смущеніи“ (Palacio confuso) легъ въ осно-
ву пьесы Корнеля „Don Sanche d'Aragon“.

1) Сюжетъ „Raquel“ Мираде Мескуа былъ выведенъ, какъ это доказываетъ
той цензурѣ не него было такъ сильно безпокойствъ. — Мескуа вывелъ
также на сцену мизоридо Мавуходносора...

Весь произведений Мира де Мескья никогда не бы-
ли собраны вместе и поэтому в настоящее время их
очень трудно отыскать; впрочем, не мало его мелких
срочноизданий вошло почти во все изданные
сборники национальной поэзии, выходящие в свет
с этого времени и до наших дней. Два его autos
пантеазаны в „^{Comedia} Navidad y Corpus Christi Festejados“,
Madrid, 1644. Сводный о Мире де Мескья также раз-
стояны по различным изданиям. Рохас упоминается
о нем в своем „Viage“ (1602); Тебара в „Diablo Co,
juelo“ упоминает о месте его рождения. Антонио (Bib.
Nov., ad verb.) рассказывает ему преувеличенные похвалы;
см. также указание в конце „Para Todos“ Монжаля,
на и Pellicer, Biblioteca, Tom. I, p. 89.¹⁾

Фосибр де Вальдивияесо.

Maestro Joseph de Valdivielso — другое видное ду-
ховное лицо. Вальдивияесо был также драматическим
писателем в ту же самую эпоху. Его жизнь нам
известна мало ^{названием фольклора, что} из фольклора. Он происходил из
кафедрального колледжа собора и Хоаэ был близок
к принцу, кардиналу и испанцу, однако жил
в Мадриде, где принадлежал к той же рели-
гиозному братству, к которому принадлежали
Сервантес и Лопе де Вега, и где он имел воз-
можность быть в постоянных сношениях с

¹⁾ Ср. Макк, Geschichte der dramatischen Literatur in Spani-
en, II, S. 455-469.

всёми главнейшими писателями той эпохи. Время его славы относится къ 1607—1633 годамъ, насколько можно судить по его одобреннымъ отзывамъ и хва- меднымъ суждамъ, козорне они имели обиховение предпосылае произведенийъ своимъ друзеи.

Валбдивіельсо писалъ религиозныя драмы (Co- medias Divinas) и autos (Autos Sacramentales). Но его драма цитируеть въ дословнере его autos. Также „Рождество всего лучшаго“ (Nacimiento de la Mejor- zack часо называли Пресвятуо Добу во Менаии) и „Ангель-Хранитель“ (El Angel de la Guardia), аллегорическая пьеса, сходная съ autos „Древо жиз- ни“ (El arbol de la Vida), о козорой рече будере вно- слѣдствии у ауто, — представляють собою два плохо обработанныя произведенія, даме если признать за ними право на широкія рамки, свойственныя религиозной драмѣ. Одно изъ условій ихъ цѣльа заключаеся въ томъ, что они больше другихъ ре- лигиозныхъ драмъ той эпохи проникнузы тонкомъ саркастичною національною поэзію.

Ауто Тосифа де Валбдивіельсо, насколько мож- но судить по ихъ духу и содержанию, были написа- ны или для Толедо, хотя конечно давались и въ другихъ городахъ Менаии. Они избраны авторомъ¹⁾ изъ болъе многоименнаго коллерева написанныхъ

1) въ изданномъ имъ сборникѣ.

и мы не есть подобного же содержания и несомненно
 пользовались при жизни автора большой популярностью,
 по крайней мере, Блудный сын (El hijo prodigo), лирический
 сюжет религиозной драмы, обработанный лучше, чем
 это встречается обыкновенно; Пенялы и Амурь (Penas
 y Amor) также несравненно лучше приспо-
 соблена к христианским понятиям, чем это
 делали другие испанские писатели, обработавшие
 этот мифологический сюжет; лучше упомянутое Дре-
 во жизни (El arbol de la Vida) представляющее собою
 хорошо выдержанную аллегорию, где старая геологи-
 ческая распря между божественным правосудием
 и божественным милосердием обработана в духе
 старой геологической школы. Другим ее типом,
 если не рать и кончается появление Спасителя.
 Вообще говоря, ауто Валдивиясо не лучше подод-
 быльнее произведения его современников. Но
 условие их успеха заключается в том, что они
 драки не как его религиозная драма проникну-
 ты духом старинной националистической поэзии, ^{зачем} в отличие
 из них находят живая и бойкая пародия на
 хорошо известную романсы о вызове на поединок
 Заморы после удара Донъ Санчо Храброго.

Во всяком случае, общечеловеческое положение
 и автор, а поэзия Гутье вычурные остроты и ка.

этой Лернэ и другими беломошань королевева, онъ написалъ „Vida de Nuestra Señora“ (Жизнь, описание Девы), состоящее изъ 800 redondillas. Кроме того онъ написалъ 7 или 8 пьесъ, слававшихъ въ его время. Лучшая изъ нихъ: „Кто много любитъ, много ссоритъ“ или „Кто больше любитъ, тотъ большего и заслушивается“ (Mas merece quien el mas ama). Эта комедия дала впоследствии материалъ Августину Морехо для его *Desden con el desden* (Гордость прозвучит гордостью); это прекрасная пьеса Мендосы, огулгатора, вся правдой драматическихъ положений и легкой диалогомъ. Далше „Общество мотылекъ правды“ или „Общество изъмотылекъ правды человека“ (el trato munda costumbres), пьеса, полная юморомъ и весельемъ; на конецъ „Любовь за любовь“ (Amor con amor se paga), которую сираторъ лучшимъ произведениемъ автора. Не смотря на немалую длину и множество погрешностей прозвучитъ вкуса, эта пьеса удостоилась чести быть игранный при дворе фрейлиманки королевы, которая исполняли не только женскія, но и мужскія роли. „Quieter por solo quieter“³⁾ игранная въ Аранхуэсъ во время празднествъ въ честь Филиппа IV, въ 1623 г., была переведена на англійскій языкъ сэромъ Рихардомъ Фэншо, который былъ англійскимъ посланникомъ въ Мадридъ въ царство.

1) Жизнь Пресвятой Девы — „Жизнь Богородицы“.

2) Изъ одной малоды слагается драма (?)

ваніе Карла I и Карла II и умеръ за нѣ въ 1662.

Въ концѣ пьесы похвально замечено переведенное изъ Мендосы описаніе рѣда великолѣпныхъ аллегорическихъ празднествъ, устроитныхъ за годъ передъ тѣмъ въ Аранхуезѣ, и возбудившихъ энтузіазмъ кастильскаго царедворца. Схизматическія Мендосы предъставляють мало цѣннаго, но драмы его не безъ доскопечности.

Гуисъ де Аларконъ.

Гуанъ Гуисъ де Аларконъ (Alarcon), современникъ Мендосы, имѣлъ при жизни менѣе чести, нежели Мендоса, не смотря на свое несомненное превосходство. Родился онъ въ концѣ XVI вѣка въ Мексикѣ, въ провинціи Тласко, и происходилъ изъ знатной испанской фамиліи Аларконовъ. Переселившись въ Испанію, онъ занималъ замѣ важное мѣсто и насильно много враговъ своими пьесами и гордыми обращеніями въ публичномъ и писарельномъ. Около 1622 года онъ уже жилъ въ Мадридѣ и участвовалъ въ сочиненіи довольно плохой пьесы, нами, самою девятую лицами въ честь маркиза де Канъ, озе (Cañete), побѣдителя при Арауко въ южной Америкѣ. Въ 1628 году онъ издалъ въ свѣтъ первый томъ своихъ драматическихъ произведеній, на заглавномъ листѣ котораго онъ величаеъ себя председателемъ

(Prosecutor) королевского совещанья въ Мадрид — должною похвальною и выгодною. Книгу свою онъ посвятилъ „просвотонародной публикѣ“ (publico vulgari) въ знакъ презрѣнія къ мадридскому обществу, его не считавъ, шему. Если взвозъ фразы слушавъ доказательствъ не, удавъ Аларкона на столонной сценѣ, то онъ въ то же время доказываетъ, что намъ позръ не боялся своихъ враговъ. И онъ ^{и мѣль} много и замѣчаетъ своихъ враговъ. Вслѣдствіе ли своихъ приязаній или, вторъ, тѣ, вслѣдствіе того тона, какими они были заявлены, Рухъ де Аларконъ подвергся ряду нападокъ со стороны позровъ того времени: Гонгора, Лопе де Вега, Мондалсвана, Мендоса и другихъ. Изъ нихъ нѣко, зорые унизились даже до насмѣшекъ надъ его личъ, тѣмъ безобразіемъ. Недодившимся извѣстности, умеръ онъ въ 1639 году.

Кромѣ цѣлаго ряда пьесъ, ли какихъ-нибудь другихъ произведеній у Аларкона не возвращалось. Въ числѣ пьесокъ не повѣсть, не понавшивъ въ томъ, изданной самимъ авторомъ, находившей пресиде всего факія, въ основѣ козоровъ леширъ куберво въртоски королю, какъ напр. „Domingo de Don Blas“. Это — история дворянина, козоровъ предавая роскоши и лъви, благодаръ громадному догазеву, неожиданно добы, зому или у мавровъ, въ царствованіе Алфонса III

Леонского. Впрочем, в романистичную минуту, повинуются густому долгу, отъ чего-то возбужде въ себя пропитанно энергію и проявляютъ въ своей дѣйств. поеди много кастильскій характеръ, полный честности и глубокой преданности королю. 'Грезвычайно ко- мична сцена, когда отъ оказывается рискованно жид- кою въ дою быковъ, устроеною для забавы иерфан- га. Сцена эта представляеть прекрасной контрастъ, во-первыхъ съ той сценою, когда герой подвергается всевозможнымъ опасностямъ, защищая принца, и во-вторыхъ, съ тою, когда отъ наконецъ мертвою принца, нарушившимъ долгу вѣрно подданна, по по отношенію къ своему отцу.

То же густо вѣрно королю леширъ въ осно- во другой пьесы. Это - Како добываетъ друзей (Gana- atidos). Трагедія этой пьесы относится къ эпохѣ Педро Мехокаго, изображеннаго сурогитъ, но сира, вѣдливый судей во времена, исполненныхъ вели- кихъ смуть. Въ лицѣ министра и любимца короля дого Педро де Луна - введевъ однимъ изъ благород- нѣйшихъ типовъ во всей испанской драмѣ. Такие характеры особенно удавались Рунсу де Аларкону.

Особенно замѣчательны его героическія драмы, между которыми лучшая Селовійскій ужасъ (El Teleros de Segovia). Она пользуется болѣею извѣст- ностью.

людей, тамъ двѣ предшествовающія пьесы. Она состо-
Тая часть. изъ изъ двухъ частей. Въ первой, авторомъ которой
 не признають Аларкона и которая усматривъ бурной
 въ доэпопеевѣ, герой Фернандо Рамиресъ является
 жертвой величайшей несправедливости своего госу-
 даря, который, на основаніи ложнаго доноса, осуж-
 даетъ отца Рамиреса на смерть, а его самого заслав-
 иаетъ низъ въ нищету и зарабатываетъ любовь на-
 сущнаго ренессанса жана. Таково содержаніе
 I-й части.

II-ая часть. Проходитъ мѣсяцъ лѣтъ. Возмущенный
 новыми несправедливостями Фердинандо Рамиресъ
 поводитъ атаку на шайку разбойниковъ. Онъ
 наводитъ ужасъ на всю Гвадарраму, но въ то же
 время оказывается неблагодарному монарху драго-
 цѣнныя услуги въ рѣширельской битвѣ бур-
 въ наврами. Изъ устъ своего умирающаго брата и
 доносчика онъ вырываетъ такіе доказательства не-
 вѣстности отца и своей содѣвѣтницей, что къ нему
 возвращаются все королевскія милости, и онъ въ-
 лается первымъ человекомъ въ завоеванномъ имъ
 королевствѣ.

Уже у Мексипра въ его пьесѣ, два веронскіе
 дворянина (Two gentlemen of Verona, 1591) въ вер-
 наль, это благородный человекъ (Валензула) при-

мучиться безумием в обществе разбойников и бегать
 на каменниках. Но Фердинандо Рамиресъ, въ сущ.
 ности, зодъ же Карлъ Кооръ Шиллера, козоровъ законъ
 возмущенной несправедливостью являлся на,
 каменниковъ тайки разбойниковъ. Но Рамиресъ мар.
 коня, перенесенный въ отдаленную и грубую эпоху,
 монументъ и правдоподобный Шиллеровскаго героя,
 хотя, разумеется, и въ то время его не считали героемъ,
 годнымъ для правдивой драмы. Кроме того въ
 „Разбойникаль“ ^{Шиллера} выведены еще другой помещикъ, браш.
 да брашевъ. Когда Шиллеръ писалъ своего пьесу „Die
 Räuber“, тогда онъ зналъ трагедію Лейбница „Fu,
 lins von Talent“ (Талантливые брашедные брашъ) на,
 издана. У его Мессинская невеста (Die Braut von Mes,
 sina) по содержанию только вариация предыдущихъ
 пьесъ. Брашедные брашъ — это поэма вѣчный сюжетъ.
 Брашедные брашъ возрѣваются уже у древнихъ гре.
 ковъ, въ мифическомъ преданіи Эдипа, ^{ради} наследства
 козорого биллиа Эдипа со своимъ брашомъ Полиней,
 комъ и оба пали. Во французской литературе
 воспринялъ Расинъ въ 1642. съ первого своего трагеді.
 его „Les frères ennemis“ (Тибанда или „Брашъ враги“),
 сюжетъ козоровъ брать изъ мифовъ сыновей Эдипа.
 Молсеръ поэма началъ съ того, что написана драме,
 діо „Тибанда“ (La Thebaïde). Почти во всякъ мифе.

раиль обрабатывать Эрозь сюжетъ.

Съ Эрозо) ^{литературно-} историческаго уклона обращается она къ драматъ Аларкона, мы находимъ, что именно съ нравственнаго цѣлью написана его, Исцѣла, внимающая, подозрѣніе (La verdad sospechosa). Герой пьесы очень молодой и интересный молодой чело-вѣкъ, сынъ уважаемаго отца. Чтобъ побѣдить свѣтъ, онъ притѣзняется изъ Саламанкискаго университета въ Мадридъ, но при первыхъ же шагахъ въ свѣтскомъ обществѣ обнаруживаетъ какую-то немобильную склонность ко лжи. Вѣсь интересъ драмы заклю-чается въ той изумительной бесстыдствѣ и легкости съ котораго тонна придумываетъ всевозможная медальоны для удовлетворенія своихъ минутныхъ прихотей. Съ замѣчательнаго ловкостью борется онъ противъ фактовъ, все больше и больше его уличающихъ; въ концѣ концовъ все переставая въришь ему, и тогда-то ему волей неволей приходится говорить правду, но уже поздно: вѣтъ времени ошудки, коро-рью онъ не можетъ поправитъ, какъ какъ ему быть, не онъ въришь, онъ зеркаетъ мобильно энециацию и гибнетъ подъ бременемъ сѣда и безгесидя.

Эта драма очень интересна. Въ ней есть мѣста полныя живости и одушевленія. Таково напр. описаніе блестящаго праздника, чуждаго на

Берегахъ Мамсамареса, въ пеще одной дамы, и опи-
сатіе шуря-буря саламанкскихъ сруденцовъ, то
и другое носить на себѣ печать гониморизма, кото-
рымъ щеголяла тогдашняя Эпоха. Убѣжденіи оуца
молодому теловоку съ цѣлостью озвращишь его оу срам-
наго порока и значительная часть разговоровъ между
героемъ тесеи и его слугой — все это оземь ишдерес,
мьдъ, превосходный мьса.

Въ это время Аларкотъ былъ еще такъ мало из-
вѣстенъ, что напр. великій французскій драматургъ
Корнель, по его содѣлвенному задвленію, былъ впол-
нѣе убѣжденъ въ томъ, что Verdad Sospechosa (Межи-
на, внушающая подозрѣніе) принадлежить Лоне
де Вегъ. Но итальянско мьдъ суща отъ сознался
въ своей ошудкѣ и воздалъ Аларкоту должную
дань справедливости, сказавши, что отъ охотно оу-
далъ бы свои двѣ мундъ тесеи за пеще оуизарсъ
авторомъ комедіи, козорого отъ такъ безцеремонно
воспользовался. Корнель именно замѣрвовалъ изъ этой мьсеи мьдъ,
сюжетъ своего „Menteur“ и зталъ положили въ ^{конецъ}
1642 г. основы классической французской комедіи,
какъ шестью годами ранше отъ положили осно-
вы классической французской трагедіи, съ помощью
„Сиди“ Тилгема де Касуро.

Можно найди такую же наблюдательность и

оустроены и въ другихъ комедіяхъ Аларкона, закова
 нбеса, Съѣдены слышахъ (*Las paredes oyen*), которую,
 по матеріи съ какого въ ней изобразены нечестный
 послѣдствій клеветы и злословія, можно почитать
 въ рендант къ „Испытанъ, выслушающей подозрѣніе“
 (*La verdad sospechosa*). Такова нбеса, Испытаніе жу-
шней (*El examen de maridos*), которую по огереди
 приписывали Лопе де Велье и Мондрагвану и козо,
 рад — испанско не повредила бы икъ славы. Она
 напоминаетъ намъ сцену въ „Венеціанскою купъ,
 цю“ Шекспира, которая происходитъ въ Бельмонту.
 Тикторъ склоненъ думать, что авторъ обѣихъ пьесъ
 черпалъ изъ одного источника. Наконецъ въ своей
 пьесѣ „Ниса тучо costo росо“ Аларконъ прекрасно
 охарактеризовалъ характеръ влассолодливой сардуки-нямки,
 являющейся вполне живымъ лицомъ, благодаря
 уютредлельному ея живописному, хозъ и цезарь,
 лому, языку.

Аларкона можно считать основателемъ комедій
 характеровъ. Изъ комедій, основанныхъ на изумрѣ,
 замѣчательна его „Todo es ventura“²⁾. Онъ написалъ
 также три волшебныя пьесы и двѣ историческія;
 герой одной изъ двухъ послѣднихъ — анжидристъ.
 Къ девяти комедіямъ, написаннымъ въ первомъ году,
 Аларконъ въ 1638 г., т.е. годъ до своей смерти, прибавилъ

1) Испанск много, позолю немного.

2) Все находится въ изданіи.

еще 12 пьесъ и предисловіе, изъ котораго видно, что
отъ все еще не добилъ извѣстности. Онъ утверждаетъ
даже, что ему стоило большихъ трудовъ заставить при-
знать свои авторскія права на сочиненіи иль про-
изведенія. Всего Аларконтъ написалъ 27 пьесъ.

Но всему до сихъ поръ сказанному объ Аларконтѣ,
надо прибавить, что словъ у него превосходный и чистъ.
патоціи лишь слову лучшихъ изъ современныхъ ему
писателей. Онъ не закъ роскошенъ и великолѣпенъ
какъ словъ Жирсо де Молина, но сущь Аларконтъ
ближе къ старому разбору народныхъ романсовъ,
къ сущь Лопе де Велл. Вообще говоря сущь сло-
женіе у него правильнѣе, проще и натуральнѣе,
къ сущь у обоихъ названныхъ писателей. Въ пьесахъ
Аларконтъ есть свѣжесть, сила мысли и самолюбъ,
носъ, соединенная съ обдуманностью, масерезволю
изложенія и чиньбель хорошо вести дѣйствіе пьесъ.
Въ силу всего этого Аларконтъ по праву должно
поставить на ряду съ лучшими драматургическими
писателями Испаніи въ самую блестящую эпоху
развѣія національнаго театра. Изъ пьесъ Алар-
контъ нѣкъ переведены на французскій языкъ, а изъ
оснѣльных сочиненій извлеченія Алсфонсомъ Гое,
въ его Théâtre d'Alarcon. Paris 1865 года. „Gamaq Ami-
goc“ (Какъ добываетъ друзей) — единственная пьеса, пере-

беденная сужаема, но очень плохими; остальные
герою переведены прозой и вышли гораздо лучше.

Другие драматурги.

Другие драматурги, современники Аларкону, хотя
и читали ему в залах, но при жизни мало,
звались только тем извещением, как и он. Из них
назову прежде всего: Луиса де Белмонте (1587-1660),
автора различных комедий. Лучшая вещь с его
именем, "El diablo predicador" ("Горько-проповедник"
или "Дьявол в роли проповедника"). Это странная
комедия, в которой Богородица, младенец Христос
и архангел Михаил принуждают горько-пропове-
дника, для сбора приношений в пользу монастыря
францисканского ордена. Действие происходит
в Лукке и главная часть пьесы, победительно, за-
ключается в прославлении св. Франциска и в рас-
пространении влияния его учеников. Как бы то
ни было, в политическом возмущении монахов,
произносимом Люцифером, Эрозь князь гонимый ри-
сует картину своего счастья. Он добился закона тор-
жества над своими величайшими врагами и воз-
будил также всеобщую ненависть к ним, что было,
той францисканской общиной, приютившейся в
Лукке, грозил опасностью изгнания из города. Но
горько-проповедник не продолжил своего. Св. Михаил

1) Belmonte род. около 1587 г. Он участвовал в "Certamenes" св. Исидора
в Мадрид в 1620 и 1622 гг. В обращении к императору, в драме "Marquis of
Cayete", он говорит о себе, "Estando yo en Lima año de 1605" (В бытность мою
в Лиме в 1605 г.). Из этого видно, что он провел молодость в Перу и вероятно
был способен на то, чтобы быть более важным, чем прославление герцога, подобного
Маркизу Кансаре.

Испанская драма

время Лопе де Вельи или школа Лопе де Вельи.

Возь кражкий яв обзорь:

- 1) Тирсо де Молина. Его Севильский соблазнитель (Se Burlador de Sevilla) - провозгласит Дон-Жуана; Дон Кихот в зеленых панталонах; Заслуживший похвалы и т.д. Он написал больше 300 пьес.
- 2) Кеведо - великий ученый и сатирик (Подруга cavalero de don dimitio - поэтически-романтический романс - Дон Диего). У него 1) поэтический и 2) прозаический произведения, сатиры: „Мир и приключения великого проидохи Пабло дэ Сеговия“, наконец, „Видения или Триво“.
- 3) Тилево де Касуро: „Неравные браки в Валенсии“, „Дон Ки-Хорхе“, „Милосердие и справедливость“, „Связь Барбара или горное чудо и небесная мученица“, „Судья в Вавилонии“, „Новое или юные подвиги Сида“ etc.
- 4) Тевара: „Три великие чуда“, „Дворь Сагали“, „Торная Diana“, „Король впитыве урз крови“, „Крестом Товея“.
- 5) Монкальвань: „Португальские любовники“, „де Принсере Don Carlos“, „Двойное мучение“, „Кто излучи без руки? Монкальвань - первоначальный сын и наследник духа Лопе де Вельи“.
- 6) Мескуа или Анескуа: „Некрасная Радия“, „Слуга вьзвала“, „Крестный и скромный любовники“ и „Дворец вь смущении“ леж вь основу пьесы Корнале „Don Sancho d'Avagan“.
- 7) Вальдивиялго: „Роздесудо вьсего лучило“, „Ангель крашугел“, „Блудный сын“, „Психея и Амур“ etc.
- 8) Анхотисо де Мендоса: „Кро много любви, много сжогур“, „Любовь за любовь“ Ауто
- 9) Аларисовь - - -

сходиться съ неба, держа въ рукахъ младенца Иисуса, и заславляеть сазану въновь образице сердца горожанамъ къ общинѣ, возстановиуть почти разрушенный или монастырь и доставиуть бѣдныхъ монахамъ, коториымъ не давали прохода цѣлительныя малолетники, уваженіе и спокойствіе, болшее чѣмъ они имѣли прежде. Онъ, дерзая нести заключается въ поведѣніи дѣвела, вынужденнаго исполнить закрую неблагоприятную задачу. Это, быстравиуться съ нею, отъ надѣваетъ независящее ему монашеское платье, просиуть милосердию для общины, наблюдаеть за постройкой болтве обширна, го и удобнаго монастырскаго зданія, проповѣдуеть, молится, дѣлаетъ чудеса, — и все это отъ продолжавшаго въполнѣ серьезно, съ рѣдкой энергіей и благо, гесіемъ, лишь бы поскорѣе избавиуться отъ неприятной задачи, на которую отъ малуеця получаме, ками и злобными а факте, ибо оубести думу не, обходимо, а выразиуть вслухъ недовольство отъ не смѣеть. Наконецъ отъ исполниеть все, ему приказан, ное; независящее дѣло кончено, но его оупускають безъ всякой благодарности за усердіе. Мало того, въ послѣдней сценѣ отъ вынужденны признаться публикѣ, что отъ законъ, вынужденны заявить, что его видеть адское пламя; сказавъ это, отъ провали, вають, подобно Дочь-Жуану, передъ глазами благо,

театральных и успокоительных зрительей.

Какъ видно, это — прелезное юмористическое произведение, олимпийское съ стороны плана. Дви-
судие неск продолжалось пять месяцевъ. Зреть въ ней
и взороевременная интрига, почти не связанная
съ главнымиъ действующимиъ лицами, одно изъ действующихъ
лицъ козоровъ, а именно героиня, обрисована съ точ-
ными и привлекающимиъ чертами. Преобладающе
огеревъ характеръ привражняка французскаго,
го монаха, простого, смиренного, добродушнаго и
послушнаго монаха. Онъ представляеть оригиналь-
ный контрастъ съ комическимиъ лицами (драгого)
неск, лгуномъ, урусомъ, обшоромъ и хитрымъ не-
вѣдомомъ, надъ которымъ зло издѣвается самъ лю-
циферъ въ ликуды, когда онъ оудыхаетъ оуть своей
здѣшней задаки.

Твеса эта, превосходно рисующая современную
ей эпоху, долго держалась на сценѣ, въ качествѣ
произведения правдоуказательнаго и благопріятнаго
интереса для французовъ, которые пользо-
лись тогда въ Испаніи большими вліяніями. Она
принимавалась также Антонио Козмо и другими. —
Другія твеса Луиса де Белмонте, какъ напр. „Валь-
Валлидскій измѣнникъ“ (Le Renegado de Valladolid)
и „Богъ — лучший защитникъ“ (Dios es la mejor defensa)

1) Пикноръ обращаетъ вниманіе на почти полную рознесственность сюжета Diablo Predicador съ плохой твесой Франсиско де Маласпина, возглавленной „La Fuerza de la Verdad“ (Сила истины), въ первой сценѣ козоровъ дѣлать въ болѣе смѣлѣе и оурачательнѣе выраженіяхъ заставляе о своемъ горькомъ, голь въ „Diablo Predicador“.

заказе представляють суррамное сльшешеніе духовна-го и свѣтскаго шаира. Это „Lastré del Campillo“ приписывается обик-новенно Лопе де Велла.

Франкиль Рохасъ (Rojas).

Три писателя изъ франкиль Рохасъ-писали пьесы. Это — Фернандо, Агостино и Франсиско. Фернандо (1450—1510) — авторъ перваго драматическаго произведе-нія „Селесуина“, о козиромъ при другомъ случаѣ раньше была пьеса. Мы знаемъ точно, что онъ былъ торгашомъ, и это званіе пошло ему въсвадьбу свое имя подъ своимъ произведеніемъ. Агостино Рохасъ де Вильяндрандо (1577—1630) былъ писателемъ, студентомъ, солдатомъ, актеромъ и поварихомъ. Онъ оулился безпорядочнаго оизнго, доводившаго его до галеры, на козирод, по приговору суда, посылался за различнаго мотемническаго. Онъ написалъ „Забавное путешесствіе“ (El viaje entretenido), прозо, или Скарроновскаго Roman comique. Изъ пьесъ его известны „Блудный сынъ“ и „Воскресеніе Лазаря“. Но замѣтательнѣе другихъ были драматургъ Франсиско де Рохасъ (1601—1660). Это происхожденіе по-слѣдователъ Кальдерона, о козиромъ рече будемъ впоследствии.

Изъ огромнаго числа драматическихкихъ ^{писателей} этого періода назову еще Мигеля Сангеса (+ 1616), автора за-мѣтательной пьесы съ интригой „Заблудившая суррама“

(La guardia ciudadosa), драмы „Ургенда“ и „Краса,
вещь Треданъ“. Мигель Санчес споль извоуеень
въ свое время, што заслушивавъ прозвание „El
Divino“; но почти весь его произведение зарефь,
ны. цитирова ла зовско одна „Guardia Ciudadosa“, во,
медная въ сборникъ, озаглавленный *Diferentes
Comedias. Parte V, 1616.*

Назову еще Насиньо Кордеро, козорого „Подвода
посредуеовъ любви“ (*Victoria por el amor*) долго поет,
зобалася уеитаконъ на сценъ; Андреса Хилья Эн,
рикеса, авзора прелесной комедии подъ заглави,
ель „Свух, шарфъ и картина“ (*La red, la banda
y el cuadro*); Diego Quiñones de Enciso,¹⁾ написавшаго пьесу о Дуанъ Лазимо и избравшаго со-
мезонъ для своихъ историческихъ драмъ жизни Кар-
ла V въ монастырь св. Иза²⁾, еверже Донъ Карло-
са („Принцъ Донъ-Карлосъ“) и „Великий герцогъ Фро-
ренция“; Херонимо де Вилейзана (или Вилсеса,³⁾
на), лучшая изъ комедий козорого „Для великаго
зла нуэно сильное лекарство“ (*A gran mal gran
remedio*); Фелипе Тодитеса, уроженца Севильи,
о козоровъ упоминаеть Сервантесъ, но упоминава,
нозь Антонио, Лопе де Вега и Хроникеры Севильи,
написавшаго знаменитое комическое пьесъ, во,
медниель въ составъ шаринныхъ сборниковъ. Онъ

1) родомъ изъ Севильи,

2) „Величайший подвигъ Карла V“ (*La mayor hazaña*),

еще были живы в 1644 г. и пользовался в свое время большою известностью. И наконец Год, риго де Эрреру и многих других, которые также пользовались, хотя и в меньшей степени, подобною мадридскою публичностию.

Писатели, известные
в других родах литературы.

Писатели, известные в других родах литературы, тоже по временам соблазнялись театральными честилами. Так Алонсо Салас Барбадилло (Salas Barbadillo), родившийся в Мадриде в 1580 г. и умерший в 1635 г. Он вместе с Сервантесом принадлежал к тому же религиозному братству и своими авторизованными подделками рассказов своего друга при первом их издании. Он, по видимому, занимал какую нибудь должность при дворе, поэтому что назывался себя Creádo de su Magestad (Слуга его величества). Он был глуп.

Из писателей этого рода в первой половине XVII века Салас Барбадилло имел больше чести, чем едва ли кто из них. Он писал прекрасные новеллы и за последние 18 лет своей жизни издал не менее двадцати различных сочинений. Все они, за исключением трех или четырех томов, наполненных драмами и стихотворениями

во вкусы Лопе де Вела, состоять изъ народныхъ раз-
сказовъ, не столь королевскихъ, какъ у Куана Пинто.
Кѣмъ, друга Лопе де Велды, и не столь длинныхъ, что
бы можно было называть ихъ романами, но они
самыя въ истинно народномъ духѣ и насюду,
цѣлыя касидесскими слогами.

„Осужденная вѣна, дочь Целестины“ (La Inge-
niosa vena, hija de Celestina, 1612 г.) — одна изъ его
первыхъ и наиболѣе осужденныхъ повѣстей. Эро-
тикорія куртузани, приключенія короля, въ силу
ед сфрелленій играе видную роль въ свѣтѣ, при-
надлежать къ числу самыхъ старыхъ и ознамен-
ныхъ. Она зоветь себя дочерью Селестины, считая
себя достойной Эгого имени и по своимъ талантамъ
и по своимъ преступленіямъ. Подуздаемый жребъ,
ваніями справедливою, авдоръ засрабляеть ее по,
гибнуть самого ужасного въ Мепаніи казнь за
то, что она ограбила своего возлюбленнаго, вѣнча-
наго изъ поддонковъ обществу. Къ главному сюжету,
эу повѣсти прилежены весьма искусно два эпи-
зода, зѣль эти способны безавлеме итальянскаго ро-
мансовъ, мнѣющахъ за собой зольско зу заслугу, то
они бросають нѣкоторой свѣтъ на языкъ называе-
мую плутовскую жизнь, процвѣтавшую въ то вре-
мя въ болшихъ городахъ Мепаніи. Лурмѣт мѣся

въ книгу эту, которая относится къ самой Элене и ея похождениямъ, а лучше всего рисуетъ тогдашнюю жизнь едва-ли не въ суровыхъ, въ которыхъ описаны, баеяхъ, какъ Элена достигла высоты, благополучия, прослыла за свѣдую и провела такими образомъ всю жизнь. — Въ силу своего сюжета и характера *La Ingeniosa Helena*, *Elia de Celestina* естественно должна была быть сильно проникнута духомъ разсказовъ *quisto picaresco*. Книга вышла въ 1612 г. и съ тѣхъ поръ часто удостоивалась новыхъ изданій. Извѣстный французскій писатель Скарронъ, имѣвший обыкъ повеніе пользоваться испанскими романами, црѣзвѣдъ и искажая ихъ, применилъ эту идею и къ Эленѣ, воспользовавшись ею для своихъ *Les Filles du Ciel*, *Nouvelles Tragico-miques*, Paris, 1752, Tom. I.

Прямое, по цѣли и характеру, прозвонно, по сущности этой книги (*La Ingeniosa Helena* etc) является „Образцовый рыцарь“ (*El Caballero perfecto*, Madrid, 1620 г.), философскій разсказъ, нелишечный нѣко, зорихъ герцъ, свойственныя рыцарскому роману. Здесь авторъ разсказываетъ исторію одного испанскаго дворянина, который, объѣхавши всю Италию въ царствование Альфонса Арагонскаго, завоевателя Неаполя, удостоивается благосклонности этого государя, поступаетъ къ нему на службу, занимается сапож

высокия военныя и гражданскія дальности, предводителя герцуга войскаки въ Германіи, играеть роль посредника между воображаемыми королями Англіи и Ирландіи, позовъ поселяется въ окрестностяхъ Байи и проводитъ свою курьезную, спокойную старость въ благосудившихъ занятияхъ. — Разказъ посвященъ всей благородной молодежи королевства въ моментъ созванія кортесовъ и имперъ цолью представляеть этой молодежи идеаль германскаго рыцаря, съ тѣмъ, чтобы она стремилась продвигъ въ своей жизни рыцарскія доблести.

Слѣдующая повѣсть — „Домъ приличныхъ друзей, свѣтъ“ (*La Casa del plazer honesto*, Madrid, 1622.). Путь авторъ описываетъ проказы герцогствъ Саламанкскихъ студентовъ, которые, наскучивъ однообразіемъ университетской жизни, перебираются въ Мадридъ, открываютъ тамъ роскошный домъ для гостей, приглашаютъ къ себѣ все издѣльное и модное общества города, разказываютъ для забавы своихъ гостей разныя новыя исторіи, поютъ романсы, разыгрываютъ комическія пьесы. — Таково содержаніе книги, состояща изъ десяти изъ которыхъ ^{на} составляють шесть разказовъ. Она внезапно обрывается опасной болтовней самого энергическаго изъ герцогствъ веселыхъ компаній, омовъ, такъ чинившихъ развлечения сполна всю публику